

Наталья
Московских
Вера
Золотарева

Древо

18+

книга I

Наталия Московских

Еретик. Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Московских Н.

Еретик. Книга первая / Н. Московских — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-99395-2

Согласно указу понтифика, служителями инквизиции не могли становиться люди моложе 40 лет. Однако череда бедствий, обрушившихся на мир в XIV столетии, не раз влекла за собой нарушения самых строгих запретов. Вивьена Колера и его друга Ренара Цирона, послушников доминиканского монастыря близ города Руана, выбирает себе в помощники глава местного отделения инквизиции. Однажды в руанскую тюрьму по подозрению в колдовстве попадает лесная отшельница по имени Элиза. Для Вивьена Колера встреча с ней ознаменует новый жизненный поворот, а вместе с тем и воскрешение старых секретов, переплетающих между собой несколько таинственных судеб.

ISBN 978-5-532-99395-2

© Московских Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

‡ 1 ‡	5
‡ 2 ‡	15
‡ 3 ‡	20
‡ 4 ‡	28
‡ 5 ‡	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Наталия Московских, Вера Золотарёва

Еретик. Книга первая

‡ 1 ‡

В сомнительных вопросах инквизитор должен быть осмотрительным и не давать легко веры тому, что кажется вероятным, но часто бывает неверно. Он не должен отбрасывать упрямо противоположное мнение, так как часто кажущееся на первый взгляд невероятным оказывается впоследствии истиной
Из руководства Бернара Ги, инквизитора Тулузы (1307-1323 гг)

Руан, Франция

Год 1358 от Рождества Христова

Тяжелые сводчатые потолки нависали над коридорами руанской тюрьмы. Массивные каменные стены давили своим огромным весом на души заключенных. Из разных закоулков тюрьмы то и дело доносились чьи-то выкрики – отчаянные, гневные или испуганные – и почти сразу умолкали.

Проходя мимо зловонных клеток, стражники Ги и Пьер переговаривались, не обращая внимания на узников, хотя некоторые тянули к ним руки в ожидании подачки, лепетали нечто бессвязное или сбивчиво умоляли устроить им с кем-нибудь встречу. Ги и Пьер не отвечали и не вслушивались. Они привыкли слышать этот гомон и видеть подобную картину почти каждый раз, поэтому перестали толком замечать, что творится в камерах. Куда больше их сейчас тревожила тишина в одном, самом дальнем закоулке коридора, в камере, где содержали ведьму. Повинна ли эта узница и в самом деле в колдовстве, доподлинно известно не было. Но, если верить донесшему на нее проповеднику, преступления ее были серьезны, а со злом она находила общий язык куда лучше, чем с людьми. По крайней мере, со своими тюремщиками: пока Ги тащил ее в камеру, она извивалась, изворачивалась, намеревалась укунить или покалечить стражника. Перед тем, как решетчатую дверь заперли, ведьма ухитрилась плюнуть Ги в лицо, и вот уже день прошел, а ему все казалось, что на месте ведьминого плевок вот-вот вздуется гнойный нарыв.

Вспомнив об этом, Ги нервно потер щеку и нахмурился, резко замолкнув посреди разговора. Пьер заметил его движение и громко хохотнул, ткнув его в плечо.

– Успокойся ты! Нет там ничего. Сколько ты еще с этой щекой носиться будешь? Подумаешь, девка плюнула! Первый раз, что ли? – Он расплылся в кривой улыбке.

Ги только сильнее нахмурил брови.

– Так ведь не простая девка, – буркнул он, – а ведьма.

Пьер пожал плечами. Ги прищурился, глядя на него.

– Ты как будто не веришь, – заметил он.

Пьер снова пожал плечами и кивнул:

– По мне, девка и девка. Диковатая, да и только. Видал я таких, с норовом. – Он мечтательно прищурился. – Не отказался бы я понаблюдать то, что про нее проповедник рассказывал.

Ги округлил глаза и шикнул на него.

– Ты что такое говоришь? – воскликнул он. – Побойся Бога!

– Повидаешь с мое, и похлеще заговоришь, – качнул головой Пьер. – К тому же я хотел только понаблюдать, а не принимать участие в колдовских занятиях. Вот ты, поди, уже обмо-

чился от одной мысли, что она на тебя из клетки посмотрит, а ведь даже не знаешь, ведьма она или нет.

Лицо Ги возмущенно вытянулось и вспыхнуло.

– Так сказал свидетель!

– Слышал я, что он говорил, свидетель этот, – фыркнул Пьер. – Что-то вроде «третьего дня в ночной тьме в лесу она с обнаженными прелестями вышла под луну, стала на поляне, а навстречу ей выскочил заяц, который обернулся слугой нечистого, и как начнет с ней...»

– Ну да, да, – поспешно перебил Ги, – это и говорил. Самый что ни на есть колдовской... – Он помедлил, вспоминая нужное слово, но так и не нашел его. Махнув рукой, Ги снова буркнул себе под нос: – Ясно же, что ведьма.

Пьер осклабился, почесав бородатую щеку.

– Это инквизиторы пусть решают, – напомнил он. Ги смущенно потупился.

Стражники как раз дошли до дальней камеры, и Пьер заинтересованно посмотрел на узницу. Здесь, среди отребья, маравшего и без того грязные камеры тюрьмы арестованная ведьма смотрелась почти нелепо. Как благородная дама, по зверской ошибке угодившая в лапы тюремщиков и ожидающая, когда это недоразумение завершится ее освобождением. Ухоженная, с чистой кожей, в которую еще не успела вьестся тюремная грязь, она была молода и красива. Даже в простом белом нижнем платье и сером сюрко из дешевой грубой ткани узница выглядела почти царственно. При этом густые светлые волосы с вплетенными в них кожаными шнурками, украшенными перьями и бусинами, не были собраны в приличную прическу, как у горожанок, а оставались распущенными, как у какой-нибудь лесной отшельницы. Только эти дикие волосы, пожалуй, и напоминали о том, как она вела себя во время ареста. Теперь же девушка казалась образцом сдержанности и кротости. Она сидела, подтянув к себе колени, не произносила ни слова и не двигалась. Даже не подавала вида, что замечает происходящее вокруг. Взгляд ее ничего не выражал.

– Привет, ведьма, – с явной издевкой в голосе окликнул узницу Пьер, подойдя близко к камере. – Как прошла ночка? Нечистый не являлся?

Ги возмущенно ахнул, и уже подобрался, чтобы выбрать Пьера, однако не нашел нужных слов и промолчал, стыдливо опустив голову.

Узница осталась безмолвна, лишь едва заметно повернула голову в сторону обратившегося к ней стражника. Глаза у нее были сосредоточенные и враждебные. Гордое лицо усеивала россыпь веснушек. Ги пригляделся к ней, будто пытался понять по ее виду, действительно ли в ней есть колдовская сила, дарованная нечистым, или нет. Узница, казалось, почувствовала его изучающий взгляд и тут же посмотрела ему прямо в глаза. Ги вздрогнул и отшатнулся. Уголки губ девушки тронула чуть заметная тень улыбки, в которой угадывалось легкое злорадство.

– Дурак, – презрительно фыркнул Пьер, сплюнув на пол. Он вновь посмотрел на арестантку, и губы его растянулись в самодовольной улыбке. – Чтобы напугать некоторых трусов, и колдовских сил не надо, верно, птишка? – спросил он. – Но я не из пугливых. Ясно тебе? Тебя как звать-то хоть?

Узница молчала. Только поза ее сделалась более напряженной, обманчиво застывшей, будто в любой момент из недвижимого изваяния она могла превратиться в дикую тварь и броситься на любого, кто посмеет приблизиться.

Пьер постучал по прутьям решетки, привлекая внимание арестантки. Та лишь вздрогнула, но с места не сдвинулась и на этот раз даже не повернула головы.

– Глухая ты, что ли? – нахмурился Пьер. – Как звать тебя, спрашиваю!

Снова молчание. Ги поджал губы и опасливо огляделся по сторонам, будто ожидал чего-то недоброго.

– Оставь ты ее, – отрывисто бросил он. – Нечего нам здесь делать. Мы все обошли. Идем.

Но Пьер его не слушал. Похоже, молчание арестантки чем-то серьезно задело его, и так просто оставлять ее в одиночестве он не собирался.

«Может, она его и вправду околдовала?» – в страхе подумал Ги.

Ударив по прутьям решетки так, что по ним прошелся легкий звон, Пьер тем временем едко процедил:

– Могла бы быть поласковой, голубка. Рассказала бы все по-хорошему мне, может, я бы за тебя словечко замолвил. А так будут тебя рвать на куски на инквизиторском допросе, еще вспомнишь меня. Ох, вспомнишь! И пожалеешь, что не была покладистой!

Пьер внимательно следил за узницей, поэтому от него не укрылось, что глаза ее округлились и увлажнились от слез, лицо напряглось от с трудом скрываемого страха, а руки впились в ткань платья.

– Гляди-ка, Ги, ее проняло! – победно воскликнул Пьер. – Правильно боишься, глупая девка. Может, ты и жила в какой-нибудь глуши, а про инквизиторов с их допросами слышала, не так ли? – Он усмехнулся. – Видел я таких норовистых, как ты. Храбрились, молчали. А знаешь, как они потом визжали и молили о смерти?

– Довольно, Пьер, оставь ее, – пробормотал Ги, попытавшись оттащить стражника от камеры за плечо, но тот лишь сбросил его руку и отмахнулся.

– Да-да, я всякое здесь повидал, – протянул Пьер. – Правда, таких ладненьких сюда редко приводят. Ты мне нравишься, ведьма, слышишь? – Он облизнул губы. – Знаешь, я могу быть с тобой нежным, если станешь поговорчивее. А потом замолвлю за тебя словечко, попрошу сильно не мучить. Что скажешь, а?

Он вплотную приблизился к решетке в ожидании ответа.

Ги замер, совершенно растерявшись.

– Давай, красавица, покажи, что ты в лесу вытворяла. А я в долгу не останусь. В самом деле, лучше уж я, чем инквизиторы, а? – Он нетерпеливо сжал прутья решетки. – Ну? Что скажешь?

Узница молчала еще несколько мгновений, затем вдруг начала подниматься со своего места. Лицо ее преисполнилось мрачной решимости, от которой Ги попятился и перекрестился, одними губами зашептав «Отче наш».

Ведьма неспешно оправила платье и подошла к решетке.

– Я скажу, – медленно заговорила она. Голос у нее оказался бархатистый, чуть ниже, чем могло бы показаться на первый взгляд, – что ты можешь проглотить свой мерзкий язык и сдохнуть, грязный болван!

Ее глаза казались безумными от обуревавших ее страха и ярости. Голос на последних словах набрал силу и перешел почти на крик.

Не успел Пьер опомниться, как узница резко подалась вперед и плюнула ему в лицо, тут же отшатнувшись вглубь своей камеры. Она дрожала, глядя на стражников, как загнанный зверь на охотников.

– Прокляла... – прошептал Ги в ужасе. – Прокляла!

Пьер ахнул и отшатнулся от камеры, как от чумного.

– Ах ты мерзкая шлюха! – взревел он, отирая плевок с лица и поворачиваясь к Ги. Лицо его полыхало от гнева. – Дай сюда ключ! – прорычал он. – Давай!

Ги попытался сопротивляться, но под устрашающим взглядом Пьера быстро сдался. Рука сама нащупала связку ключей. Пьер вырвал ее из рук Ги, чуть не свернув ему палец, и ринулся к камере. Узница тем временем испуганно ахнула, отступила и прижалась к дальней стене, словно пыталась слиться с нею.

– Пьер, что ты делаешь? – воскликнул Ги, но приближаться поостерегся, опасаясь чар ведьмы. – Не отпирай клетку!

Пьер его не слушал.

– Ты будешь орать и призывать нечистого, как в лесу его призывала, поняла, шлюха?! – Он вставил ключ в замок и повернул, тут же ворвавшись в камеру. Узница вскрикнула и попыталась отбиться от налетевшего на нее стражника, но он был намного сильнее. Если она и обладала колдовскими чарами, сейчас они ее покинули и не желали приходить на помощь. В глазах Пьера тем временем все ярче разгорался яростный огонь. – Я сделаю так, что инквизиторы с тебя шкуру живьем спустят, а внутренности скормят свиньям! Ты будешь визжать, как одна из этих свиней, поняла?!

– Интересно посмотреть, как ты будешь заставлять инквизиторов, стражника, – вдруг раздался чей-то голос из коридора. Спокойный, но достаточно громкий, чтобы его услышали.

Ги вздрогнул и обернулся. Пьер тоже замолк, вмиг растеряв былой пыл. Только отчаянный вскрик узницы прорезал навалившуюся на коридор тишину и так же быстро смолк.

Посреди коридора стояла фигура в длинной черной сутане, поверх которой виднелся довольно грубый нательный крест. Этого служителя Церкви сложно было с кем-то спутать: большинство церковников, которых в своей жизни видел Ги, носили монашескую tonsуру, но не он. Волосы этого человека были черны, как уголь и густыми неряшливыми волнами опускались почти до основания шеи. Холодные серые глаза спокойно изучали развернувшуюся в коридоре картину, выражение хищного лица с орлиным профилем было бесстрастным, будто происходящее нимало не трогало этого человека. Впрочем, надо думать, ему доводилось видеть нечто более впечатляющее не раз и не два.

Ги много слышал о нем, но лично не встречал до этого дня. Его звали Вивьен Колер. Не просто церковник – инквизитор. Один из помощников Его Преосвященства Лорана, снискавший себе известность в городе после осмотра чумных монастырей.

Пьер выпрямился, вытянувшись во весь рост, и, будто опомнившись, отступил от узницы. Та тяжело дышала, вжимаясь в стену. Ее нижнее платье было чуть надорвано на груди.

Вивьен Колер остановился в нескольких шагах от Ги, смерив его ничего не выражающим взглядом, и вопрошающе кивнул Пьеру.

– Повтори-ка еще раз, стражник, что ты собирался заставить меня сделать с этой женщиной, – спокойно сказал он.

Пьер заметно побледнел.

– Отче, я... я вовсе не...

– Ты же не вздумал лгать мне? – произнес инквизитор. Голос звучал почти дружелюбно, однако в нем угадывалась угроза. – Или, быть может, ты сам желаешь показать мне, как я должен действовать? Кажется, ты сказал, что «лучше уж ты, чем инквизиторы», если я правильно помню.

Теперь побледнел и Ги, все еще дивясь тому, что инквизитору удалось так неслышно к ним подобраться и застать их врасплох.

«Сколько же он успел услышать? Как давно он за нами наблюдает?» – подумал Ги, понимая, что после неосторожных высказываний Пьера им обоим может грозить допрос.

Будто прочтя его мысли, Вивьен Колер произнес:

– Знаешь, а ведь ты наговорил так много занимательного, что у меня крепнет желание побеседовать с тобой. – На губах его появилась угрожающе миролюбивая улыбка.

Пьер покачал головой.

– Отче, я... я не понимаю, что на меня нашло. Эта... – он обернулся и тут же заговорил с жаром, будто найдя нужные слова, – эта ведьма меня одурманила!

Бровь инквизитора недоверчиво изогнулась. Он хмыкнул.

– Но ведь на таких смельчаков, как ты, колдовские чары так просто не действуют, разве нет? Или ты не это пытался сказать заключенной, когда просил ее быть с тобой поласковее?

Впервые за этот разговор Вивьен Колер перевел взгляд на узницу, которая в свою очередь настороженно следила за ним. На него она смотрела не менее враждебно, чем до того на

стражников, и инквизитора это удивило. Те, кому помогают избежать мучений любого рода, глядят с благодарностью – хотя бы поначалу. А эта девушка будто только и ждала, когда на нее в полной мере обрушится новая угроза, ни на миг не забывая, кого перед собой видит.

Пьер поджал губы. Глаза его растерянно забегали, словно он пытался найти, чем оправдать себя в глазах инквизитора, который, похоже, услышал почти весь разговор с ведьмой. Вивьен Колер несколько мгновений изучающе глядел на него, затем вдруг устало вздохнул и прикрыл глаза.

– Пошли вон, – едва слышно произнес он.

Стражники переглянулись и остались на местах. Серые глаза инквизитора распахнулись, в них показалась злость.

– Я сказал, пошли вон, – произнес он чуть громче, а затем вновь понизил голос. – Я очень не люблю повторять.

Стражники засуетились. Связка ключей в руках Пьера зазвенела от дрожи.

– Камеру не запирайте, – приказал инквизитор. На этот раз его не переспрашивали, а безропотно подчинились, постаравшись как можно быстрее удалиться.

Лишь когда шаги стражников смолкли в коридоре, Вивьен неспешно приблизился к открытой камере и остановился у самой двери. Узница продолжала вжиматься в стену, буравя его глазами. Казалось, в любую минуту она может зашипеть, словно змея, и взаправду призвать бесов. Вивьен склонил голову.

– Это было смело, – оценивающе произнес он. – Сказать такое стражнику, я имею в виду. Смело, но безрассудно. – Он ждал комментария, но узница молчала. – Ничего не хочешь сказать?

– Вы не задали вопроса, – настороженно произнесла она, чуть помедлив.

Вивьен улыбнулся.

– Твоя правда. Как тебя зовут?

– А вы разве уже это не разузнали?

– Разузнал. Но я надеялся, что у нас получится дружественная беседа, – кивнул Вивьен. – Я не враг тебе, дитя. Меня не нужно бояться, я пришел просто поговорить.

Дитя. Это обращение, прозвучи оно при других обстоятельствах, могло бы рассмешить девушку – в конце концов, этот человек был старше ее лет на шесть-семь, не больше. Для него она уж точно была не дитя.

Несколько мгновений она смотрела на него с заметной опаской, однако затем, передернув плечами, ответила:

– Элиза. – От его спокойствия и ободряющей улыбки она слегка осмелела, поэтому решилась задать встречный вопрос: – Почему вы не заперли камеру?

– Потому что еще не уверился, что тебя стоит в ней держать, – ответил он. – Скажи, ты можешь назвать имена людей, которые желают тебе зла? Готовы оболгать тебя, чтобы отомстить за что-то? Завидуют тебе?

Элиза потупила взгляд.

– Невозможно знать наверняка, – ответила она, немного погодя. – В людских сердцах и при самых добрых намерениях может рождаться нечто злое. Но... если такое и произошло с кем-то, кто мне знаком, я об этом не знаю. – Она подняла глаза. – Так что нет. Я не могу назвать никаких имен. Оболгал меня тот проповедник, что наговорил этих, – она поморщилась, – мерзостей про меня. Но я и его имени не знаю.

Зачастую узники спешили назвать имена людей, которые могли бы желать им зла, в надежде угадать доносчика и тем самым сделать свидетельства против себя недостаточными для ареста.

Вивьен кивнул. Как ни странно, то, что он успел разузнать об этой девушке за время, пока ее держали в камере, совпадало с ее словами. Горожане либо вовсе не знали ее, либо не говорили о ней ни одного дурного слова. Никто, кроме проповедника, назвавшего ее ведьмой.

Несколько мгновений Вивьен изучающе смотрел на нее, а затем, будто завершив внутри себя какую-то борьбу, кивнул.

– Идем со мной, – сказал он.

Элиза отшатнулась, прикрыв разрыв на платье.

– Куда? – решила спросить она.

– Не бойся, – ободряюще улыбнулся Вивьен. – Если ты и впрямь не якшаешься с бесами Преисподней, с тобой ничего дурного не случится. Идем.

Элиза нерешительно вышла из камеры, обняв себя за плечи, и последовала за инквизитором. От его заверений легче ей не стало: она не доверяла ему, хотя он к тому и располагал. В каждом его слове она ждала услышать приговор, а теперь была уверена, что сопровождает он ее на допрос. Тем не менее, Вивьен повел ее не в представлявшееся ей мрачное подземелье, а вывел из тюрьмы на улицу и повлек за собой.

Элиза шла, глядя себе под ноги, не замечая ни дороги, ни прохожих. Убежать она тоже не пыталась, потому что была уверена, что попытка будет обречена на провал: после ночи, проведенной в холодной камере и без крохи во рту, ноги плохо слушались ее, а пережитый страх все еще сковывал тело.

Наконец инквизитор остановился, и Элиза решила поднять взгляд. Перед ней возвысился Нотр-Дам-де-Руан, и девушка восхищенно уставилась на недостроенную каменную громаду, обомлев. Так близко она к собору еще не подходила.

«Неужели допрос будет проходить прямо здесь?» – ужаснулась она про себя. Это казалось невозможным. Гораздо проще было вообразить допрос в тюрьме, чем здесь. И все же...

– Если твоя связь с сатаной и впрямь существует, вряд ли ты сможешь подняться по ступеням и войти хотя бы в притвор, – прервал ее размышления Вивьен. На губах его играла улыбка, как будто происходящее его забавляло. – Сделай это, и мы проверим, насколько правдивыми были слова проповедника.

Элиза замерла, растерянно глядя на собор. Оглядевшись, будто ища подсказку, она осторожно поднялась по ступеням. Инквизитор следовал за ней. Посмотрев на него, Элиза неуверенно потянулась к двери.

– Мне же... сюда? – спросила она.

Вивьен приподнял бровь, улыбка его угасла. В глазах появилась настороженность.

– Я ведь велел тебе войти в притвор. Ты разве не можешь?

Элиза поджала губы.

– Я... просто не знаю, где это, – призналась она, ожидая, что инквизитор тотчас же набросится на нее и схватит.

Вивьен удивленно склонил голову.

– Ты бываешь на святой мессе, Элиза?

Ответом ему было молчание.

– Веруешь ли ты в Бога-Отца всемогущего, Творца Неба и земли?

– Разумеется, верю! – воскликнула Элиза, тут же потупившись. – Просто... просто, может, я не умею... правильно это говорить...

Вивьен смерил ее суровым взглядом. Элиза побледнела и сжалась, приготовившись к худшему.

– За это... меня сожгут? Как ведьму? – прошептала она и добавила с отчаянным вызовом в голосе: – Не знать нужных слов – это колдовство?

Вивьен несколько мгновений молчал, думая, как ответить на ее вопрос. Затем качнул головой.

– Нет, это не колдовство, – сказал он. – Хочешь сказать, тебя не крестили? Ты не ходила к святой мессе? Не исповедовалась? Не соблюдала посты? Не...

Элиза зажмурилась, и это заставило Вивьена остановиться. Было очевидно, что ничего из этого девушка не делала. Возможно, не потому что не хотела – попросту не знала, как и что нужно делать. Там, где она выросла, ее этому не научили. И, похоже, сейчас, перед лицом возможного допроса она искренне об этом сожалела. По крайней мере, Вивьену хотелось так думать.

– Но я верю, что Бог создал все живое! Нас, природу, животных... все это! – Она обвела рукой пространство вокруг.

– И ты поклоняешься природе и животным? – чуть нахмурился Вивьен. –носишь им жертвы? Молишься им, как богам?

Элиза потупилась.

– Бог один, – задумчиво сказала она. – В это я верю. Я... просто люблю этот мир. Стараюсь жить в гармонии с природой. Разумно брать то, что она может дать. Не расходовать попусту. Я собираю травы и не охочусь без надобности. Я делаю отвары, которые могут отгонять хворь... это так ужасно? За это я заслуживаю казни?

Вивьен поморщился и приподнял руку в останавливающем жесте. Элиза покорно умолкла.

«Ясно», – подумал он. – «Похоже, она язычница. Не отрицающая истинной веры, но язычница. Редкая птица в наших краях».

Ему стоило продолжить с нею беседу, расспросить в подробностях о том, кто ее воспитал, кто всему научил, но отчего-то ему безумно не хотелось этого делать. Не хотелось узнавать всю правду, несмотря на долг и личное любопытство. Это нежелание было тревожным и опасным – уже для него. В своей жизни он испытывал нечто подобное лишь единожды, и ничем хорошим это не обернулось.

– Это не ужасно, – тихо и надтреснуто произнес Вивьен, тут же отругав себя за слова, которые произносил от сердца. – И никто не говорит о казни. Все гораздо сложнее, Элиза. – Отчего-то ему не захотелось вновь использовать обращение «дитя». – Скажи, ты знаешь, что такое ересь?

Лицо девушки переменилось. Вивьен ожидал увидеть в ее глазах испуг или растерянность, но увидел нечто совершенно иное.

– Знаю, – произнесла она низким, почти замогильным голосом, погрузившись в какие-то воспоминания, явно неприятные. Вивьен никак не ожидал услышать в одном ее слове такую злобу и ненависть. Да, это была именно ненависть. Он не мог лишь понять, на кого она направлена, пока Элиза не сказала об этом сама: – Я ее ненавижу.

«Что-то здесь не так», – подсказал Вивьену его внутренний голос.

Еретики могли увещевать, что не имеют отношения к ереси. Даже могли говорить, что ненавидят других еретиков, и начать выдавать их одного за другим, но Элиза отличалась от всех, кого он когда-либо допрашивал. Ненависть, которую она хранила в душе, была ее личной ношей, и, похоже, делиться ею с инквизитором она не собиралась, хотя, возможно, это могло бы сослужить ей неплохую службу. Элиза, похоже, не знала об этом, и все слова произносила искренне, от самого сердца.

Поразмыслив, Вивьен указал на дверь собора кивком головы и сказал:

– Войди.

Элиза послушалась и спокойно вошла в собор. Вивьен последовал за ней.

– Это и есть притвор. Так называется помещение, предвещающее вход в собор, – объяснил он.

Справа от двери висела каменная чаша с освященной водой, и Вивьен указал на нее Элизе.

– Обмакни пальцы в воду и осени себя крестным знаменем, – велел он. Заметив растерянность, он первым подошел к чаше и продемонстрировал, как это делается. – Повтори за мной. Во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Элиза подчинилась, в точности повторив движение, за которым следила очень внимательно. Слова она тоже повторила в точности, не запнувшись, а затем замерла, глядя на Вивьена с видом ученика, ожидавшего похвалы за точно проделанную работу. Было трудно не улыбнуться, глядя на нее, и Вивьен не стал отказывать себе в этом порыве, чем приободрил и Элизу. Она чуть расслабилась.

– Теперь я крещенная? – спросила она.

Вивьен тихо усмехнулся.

– Нет, – покачал головой он. – Крещение – это таинство, и оно проводится иначе. А ты хотела бы принять крещение?

Элиза неловко передернула плечами.

– Я не знаю, – ответила она, чем искренне поразила инквизитора. – А зачем это нужно?

Вивьен приподнял брови, но кивнул, показывая, что к подобным вопросам вполне подготовлен, хотя реакция Элизы и изумила его.

– В таинствах Церкви Господь доносит до человека благодать, которую мы не можем стяжать никак иначе. Это Божий дар. И таинство крещения раскрывает в человеке способность принимать Божьи дары. Наш Спаситель Иисус Христос говорил: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие: Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух». – Вивьен проникновенно посмотрел на Элизу, медленно кивавшую в такт его словам. – Ты понимаешь, о чем я говорю тебе?

Она не ответила, но задала встречный вопрос:

– И крещение может принять любой?

– Крещение необходимо для спасения души, – кивнул Вивьен. – А Господь любит всех своих чад, поэтому да, Элиза. Ты могла бы принять крещение.

Девушка пожевала губу. Вивьен вздохнул, решив не требовать от нее ответа в эту минуту. Он кивнул на дверь перед ней и мягко сказал:

– Идем со мной. Я покажу тебе кое-что.

Оказавшись в зале собора, Элиза ахнула, обведя его взглядом. Она попыталась пройти дальше, но Вивьен осторожно придержал ее за локоть. От его прикосновения Элиза вздрогнула и напряженно замерла. Вивьен улыбнулся ей, чтобы приободрить.

– Нужно поклониться алтарю, – назидательно произнес он. – Вот так.

И он терпеливо показал, что нужно делать.

В соборе нынче было безлюдно, и Элиза, не боясь косых взглядов, двинулась вперед по нефу, с любопытством рассматривая убранство зала.

– Здесь так красиво... – прошептала она, тут же покраснев. Голос ее эхом отразился от каменных стен, и в нем снова прозвучала смелость и та сердечная искренность, с которой она говорила. Вивьен вздохнул, вспомнив о том, зачем изначально привел ее сюда.

– Как я погляжу, неудобства ты здесь не испытываешь. А должна бы, если брать в расчет слова проповедника, – заметил он.

Элиза повернулась к нему.

– Ничего подобного не было! – воскликнула она.

– Я знаю, – мягко произнес Вивьен, кивнув.

– Откуда? – спросила Элиза, заставив его вновь улыбнуться. – Все поверили этому человеку, но не вы. Почему?

Вивьен качнул головой.

– Как минимум, потому, что полной луны, о которой говорил проповедник в своем красочном описании, третьего дня не было на небосводе, – с ухмылкой ответил он. – Этот человек солгал.

Элиза изучающе посмотрела на него.

– Вы судите по справедливости, – сказала она, и это не было вопросом.

– Ты удивлена?

– Я ожидала иного.

«Смелая», – оценивающе произнес про себя Вивьен. Мало кто дерзнул бы сказать такое инквизитору. Наивность и граничащая с сумасбродством храбрость этой девушки отчего-то даже забавляла его. Странное желание защитить Элизу вместо того, чтобы расспросить о ее тайнах, потревожило его, но Вивьен отогнал тревогу как можно дальше. Он опустил взгляд на намотанные на свою руку четки, а затем посмотрел на чуть надорванное платье Элизы, под которым явно не было нательного креста. Не отдавая себе отчета в том, что делал, Вивьен снял четки с руки, затем подошел к Элизе. На этот раз она не вздрогнула при его приближении и не посмотрела на него с подозрением. Взяв ее руку в свою, Вивьен начал медленно наматывать четки на ее тонкое запястье. Она заворуженно наблюдала за его действиями, не осмеливаясь двинуться с места. Лишь когда он отошел, она решилась заговорить:

– Я думала, в крещении участвует еще вода. Кто не родится от воды... или вы не так сказали?

Вивьен невольно расплылся в улыбке и покачал головой.

– Это не было крещением, – миролюбиво произнес он. – Но твоё рвение его принять не может не радовать.

Элиза неловко потупилась и переступила с ноги на ногу. Вивьен кивнул.

– Где ты живешь? – спросил он.

– У меня домик в лесу... недалеко от города, – последовал ответ.

– Насколько я понимаю, людям известно, где это? Они приходят к тебе за травами и отварами, не так ли? – Отрицать Элиза не собиралась и коротко кивнула. Вивьен отозвался тем же. – Что ж, полагаю, я наведаюсь туда и понаблюдаю за твоей работой. Если в ней действительно есть связь с нечистыми силами, мы будем разговаривать уже по-другому. – Глаза его угрожающе блеснули, но взгляд тут же снова сделался спокойным. – Но пока я не вижу ничего дурного ни в твоих действиях, ни в твоих помыслах. Поэтому ты можешь быть свободна.

Элиза оторопело взглянула на него. Она никак не могла ждать, что инквизитор примет такое решение. По крайней мере, ее в этом убеждали.

Слова, всплывшие в ее памяти, больно ожгли ее.

«Никогда, слышишь, никогда мы не станем ближе! Ты ведьма, а то, во что ты веришь – ересь! По правилам, мне бы вообще сдать тебя инквизиции, так что цени милость, которую я оказываю тебе, не делая этого! Ни на что большее тебе даже надеяться не стоит!»

Элиза сглотнула тяжелый ком, подступивший к горлу.

– Допроса... не будет? – наконец решилась опасливо спросить она.

– Это он и был, – улыбнулся Вивьен. – И, на мой скромный взгляд, ты достойно выдержала все испытания. В том числе и испытание чужим злословием, а это дорогого стоит, знаешь ли. Я повидал разное. И сегодня в тебе было достаточно страха, чтобы ты и без пристрастного допроса начала говорить правду. Я верю тебе, Элиза. Правда легко читаема в человеческих душах. – Улыбка его стала шире. – К тому же, говоря по чести, я ни разу не видел, чтобы заяц обращался в слугу нечистого. Проповедник оклеветал тебя, сочинив небылицу. Такое случается, когда красивая юная дева отвечает кому-то отказом.

Элиза вдруг всхлипнула и прикрыла рот рукой, услышав отразившееся от высоких стен эхо. Вивьен Колер сделал шаг вперед и заботливо положил руку ей на плечо.

– Я все же явлюсь к тебе с проверкой и надеюсь застать тебя на месте. Ты ведь понимаешь, что я отыщу тебя, если вздумаешь сбежать?

Элиза сморгнула слезы и заставила себя выровнять дыхание, после чего решительно посмотрела в глаза инквизитора.

– Я не сбегу, – заявила она. – Обещаю. Я докажу вам, что не занимаюсь колдовством.

– Хорошо, – сказал он, кивнув. Затем заговорил тише: – О том, отчего тебя не окрестили, мы еще побеседуем, но, похоже, твоей вины в этом не было. Об одном прошу: пока будешь в городе, лучше тебе носить эти четки при себе. Хотя бы их, раз нательного креста у тебя нет. – На его лице появилась едва заметная улыбка.

Элиза с интересом посмотрела на свою руку и улыбнулась. Похоже, подарок пришелся ей по духу.

– Они... красивые, – смущенно сказала она.

– А мне будет спокойнее, потому что так святые обратят на тебя свой взор.

Элиза вдруг с надеждой посмотрела на него.

– Святые? А кто они?

– Это люди, такие же, как ты и я, только им в какой-то момент удалось увидеть замысел Божий о себе и воплотить его в своих деяниях. Теперь эти люди на Небесах, с Господом. Но и здесь можно ощутить их присутствие и их любовь.

Элиза улыбнулась – открыто и искренне.

– А вы расскажете мне еще про них?

– Про святых? – улыбнулся Вивьен.

– Да, – кивнула Элиза. – Если они обитают в таком месте, как это, должно быть, они очень хорошие духи.

Вивьен впервые слышал, чтобы кто-то называл так святых, поэтому ошеломленно уставился на девушку. При своей манере речи, больше присущей образованным людям, она была удивительно невежественна в вопросах веры и совершенно не понимала опасность некоторых своих слов. Это должно было вызвать у Вивьена негодование, но не вызывало, а лишь разжигало любопытство и необъяснимое желание защитить Элизу от тех, кто мог не разглядеть ее чистосердечной искренности и оказаться к ней не так терпим.

– Расскажу, когда явлюсь к тебе с проверкой, – ответил он.

– Спасибо, – дружелюбно поблагодарила она, внимательно заглянув ему в глаза. Ей бы уходить, пользуясь его благосклонностью, однако Элиза медлила, будто не решаясь что-то сказать.

– Вы расскажете мне еще кое-что? – наконец спросила она.

– Что ты хочешь узнать?

– Ваше имя. – Она нахмурилась. – Или мне нужно называть вас отче, как тому стражнику? – При воспоминании о стражнике по лицу Элизы пробежала тень.

Ему следовало ответить, что «отче» будет вполне достаточно. Ему вообще следовало вести себя совершенно иначе. Однако когда пришло время отвечать на вопрос, он сказал:

– Зови меня Вивьен.

‡ 2 ‡

Детство Вивьена Колера прошло в деревне Монмен близ Руана.

Местные жители знали его отца Робера как строгого и жестокого человека, за что и наградили его прозвищем Colère¹, подчеркивавшим его крутой нрав. Некоторое время в деревне ходили слухи, что злоба его – от мужского бессилия, и единственного сына жена родила не от него, а от любовника, с которым только для того и спуталась. За эти слухи мать Вивьена снесла множество побоев, но выжила и даже выносила и родила сына.

Крепкое здоровье мальчика закаляли тяжелый труд и отцовские розги. На труд Вивьен никогда не жаловался, а за розги хранил на своего жесткого родителя тихую злобу, потому что знал, что наказывают его далеко не всегда по справедливости и уж точно больше, чем прочих деревенских мальчишек.

Однажды заезжий путник принес в Монмен весть о страшной хвори, идущей с востока. Многие жители не восприняли эти рассказы всерьез, но Робер отчего-то не на шутку испугался, решив, что посредством болезни Господь обрушивает на людей свое недовольство. В тот же день Робер Колер решил судьбу своего отпрыска. Он счел, что если сын посвятит свою жизнь службе Господу, это искупит грехи всей семьи, и мор обойдет их дом стороной. Проявив удивительную для своего вспыльчивого нрава кротость и кропотливость, Робер сумел отправить Вивьена в доминиканский монастырь, после чего решил, что совесть его чиста.

Это было единственным, за что Вивьен искренне возблагодарил своего отца. Не сразу, а лишь через некоторое время. Поначалу он чувствовал себя несчастным, обреченным на затворническую жизнь, в которой всякая радость была под запретом, и составлял в уме один план побега за другим. Ему казалось, что не может быть жизни скучнее, чем монашеская.

Монашеская жизнь и впрямь во многом не устраивала Вивьена. Его и других учеников вынуждали просыпаться для молитв в совершенно непривычное время, за каждую провинность назначали епитимью и могли запросто выпороть, а работать заставляли ничуть не меньше, чем в деревне. При этом каждому обыденному действию наставники придавали слишком уж большое значение, пропитанное какой-то странной мрачной торжественностью. Вечный дух строгости и нарочно прививаемого ученикам почти боязливого отношения к жизненным радостям угнетал и раздражал. Самым приятным в монашеской жизни оказалось обучение, которому уделялось очень много времени и внимания. Только оно и удерживало Вивьена от того, чтобы попытаться сбежать и осесть где-нибудь на улицах Руана, хотя во время исполнения других монашеских обязанностей побег все еще казался ему притягательной идеей. Как будет зарабатывать себе на пропитание, Вивьен еще не придумал, но был уверен, что первое время сможет красть себе еду, объединившись с другими мальчишками, такими же, как он сам. К жизни уличного вора его не обремененная должной праведностью душа тяготела куда больше, чем к заунывным дням в монашеской келье.

Ниспосланный свыше знак, что побег не приведет ни к чему хорошему, явился в виде грязного мальчишки, которого настоятель Лебо буквально за ухо притащил в аббатство Сент-Уэн с улицы после того, как тот попытался срезать у него с пояса мешочек с деньгами. То был худой и вытянутый оборванец с цепкими руками, совершившими не одно злодеяние на улицах Руана. Воришка, сирота и сорванец, в коем настоятель отчего-то углядел склонность к духовному просвещению, излучал неприкрытую угрозу, адресованную всякому, кто намеревался приблизиться. Вивьен Колер в белобрысом заморыше по прозвищу Клещ никакой тяги к

¹ Colère – гнев, ярость (фр.)

духовности не заметил, однако по духу он показался ему близким, несмотря на свою замкнутость и нежелание начинать с кем-либо разговор.

Вивьен отчего-то твердо вознамерился подружиться с новым мальчишкой. Он проявил удивительную для своего крутого нрава терпимость, находя общий язык с сорванцом, которого – как он узнал чуть позже – звали Ренар. Прозвище Цирон² закрепилась за ним благодаря цепким пальцам. В конце концов, нелюдимый и необщительный малый сдался на милость почти агрессивно навязанной дружбы, а вскоре понял, что совсем об этом не жалеет.

Ренар и Вивьен стали лучшими друзьями, пусть на первый взгляд и казались полными противоположностями. Если они ссорились, на уши становилось все аббатство, потому что Вивьен с трудом умел обуздать вечно кипевший в душе гнев, а Ренар, сохраняя лицо до невозможности невыразительным, иногда был не прочь поработать кулаками. При этом мальчишки быстро мирились, и когда настоятель исполнял угрозу всыпать непослушным сорванцам плетей, дабы научить их смирению, они принимали наказание стоически. Каждый из них силился терпеть боль от розги столько, сколько мог, надеясь не ударить в грязь лицом и не закричать первым.

Одним из самых страшных испытаний для их дружбы стал день, когда в аббатство Сент-Уэн явился судья инквизиции Кантильен Лоран и сказал, что отберет нескольких человек к себе на службу. Аббат представил судье своих лучших воспитанников, отличавшихся прилежностью и дисциплиной. Однако судья отчего-то углядел своих будущих следователей в светловолосом и черноволосом сорванцах, которые смотрели на него с угрожающей опаской и не желали ни под каким предлогом расставаться друг с другом.

Совместное обучение инквизиторскому делу, умению вести дознание и не бледнеть при виде допросов с пристрастием лишь сплотило их и приучило воспринимать друг друга почти как братьев.

В 1348 году от Рождества Христова чума все же обрушилась на Руан и его окрестности, и Вивьен вскоре узнал, что его мать и отец скончались от хвори едва ли не в первые дни ее свирепствования. Он задумался, не может ли сам быть тому виной, ведь, в конце концов, пока он придерживался решения стать доминиканским монахом и посвятить себя мирному служению Господу, чума обходила стороной его семью.

Решившись поговорить об этом с Ренаром, Вивьен выслушал долгий монолог о том, что служба Господу в инквизиции может считаться едва ли не более полезной и действенной, нежели бытие простого доминиканского монаха. Свою отповедь бывший уличный вор завершил тем, что пригрозил выбить эту дурь из головы друга.

С умением добиваться своего и выбивать как дурь, так и правду из кого угодно у Ренара Цирона проблем не возникало никогда. Казалось, он не испытывал никаких чувств во время дознания, и, если приходилось прибегать к услугам палачей в допросной комнате, крики уличенных в ереси преступников нимало его не трогали. Ни единого раза после ведения допроса его не мучили кошмарные сновидения: узники не являлись к нему, проклиная за жестокость, а их крики не отдавались эхом у него в ушах.

Вивьен, несмотря на гнев, с коим он справлялся не без труда и коему иногда давал выход на допросах, подобной хладнокровностью похвастаться не мог. Не единожды он просыпался от кошмарных сновидений, в которых раз за разом переживал допросы, начиная от тех, в которых он менялся местами с арестантом, и заканчивая теми, в которых внутренние демоны гнева в буквальном смысле разрывали его на части.

Однажды Вивьен решил осторожно поинтересоваться у друга, что тот чувствует по отношению к допрашиваемым преступникам.

– Тебе никогда не снились арестанты?

² Ciron – Клещ (фр.)

На невыразительном вытянутом лице Ренара с острыми скулами не отразилось ничего – ни изумления, ни возмущения... возможно, лишь легкое непонимание.

– Нет. А должны?

– Нет, – нарочито безразлично пожав плечами, отозвался Вивьен. – Просто спросил.

– А тебе снятся, хочешь сказать?

– Говорю же, просто так спросил. Слышал, многим инквизиторам снятся.

– Где слышал? – нахмурился Ренар. – До меня подобных слухов никогда не доходило.

– Не придирайся к словам, – усмехнулся Вивьен, зная особенность друга вцепиться в какое-нибудь слово и развернуть допрос с пристрастием из-за него одного. Не один еретик натерпелся в тюремных застенках свыше положенного из-за этой особенности Ренара. Вивьен иногда даже думал, что прозвище Клещ друг получил не только за свои прошлые воровские таланты. При этом когда Ренар стремился добиться последней крупинки правды, он оставался невозмутимым, как камень, а глаза его смотрели цепко и прожигали насквозь.

Внешне Вивьен проявлял схожую холодность, но *его* каменное лицо было напускным, и он завидовал бесстрастности своего друга.

Судья Кантильен Лоран, если и видел, то старательно не замечал трудностей в делах Вивьена. И со временем трудности ушли – почти до конца. Для судьи Лорана знаком свыше явилось хотя бы то, что, несмотря на весьма частые выходы в город, Вивьен Колер и Ренар Цирон не навлекли на себя чуму, в то время как многие священнослужители пали жертвами мора. Когда болезнь ушла из окрестностей Руана, Вивьен и Ренар уже полноценно взяли на себя обязанности следователей Святой Инквизиции. Судье Лорану даже удалось утвердить их на этих должностях официально, сделав своими помощниками.

Руан, Франция

Год 1358 от Рождества Христова

Высокий дуб, пробивший себе право на жизнь посреди мощенной камнем улицы Руана близ центральной площади, был негласным местом встречи для многих жителей города. Здесь же сегодня перед вечерним посещением обители судьи Лорана встретились Ренар Цирон и Вивьен Колер.

Ренар пришел несколько позже друга и зашел под дубом с четками в руках. Вивьен задумчиво разглядывал проходивших мимо горожан, спешивших закончить свои дела до темноты.

– Не думал, что опоздаю, – проворчал Ренар, становясь рядом с другом. – Вроде, Вечерню только отзвонили.

– Ты не опоздал, – заверил его Вивьен. – Ты, как всегда, пришел раньше положенного. А я пришел еще раньше, чтобы у нас было время кое-что обсудить перед тем, как пойдем к епископу.

Ренар хмыкнул. То, что Вивьен назвал словом «обсудить», скорее всего, подразумевало под собой его длительный рассказ, который мог даже не оканчиваться вопросом. Во время таких рассказов Ренар, как ни странно, ощущал легкий неуют, как будто в любой момент его могли начать о чем-то расспрашивать, и он непременно должен был ответить правильно. Зачастую Вивьен никаких расспросов не начинал, поэтому о своих необоснованных опасениях – которые вдобавок казались ему глупыми и стыдными – Ренар никогда не говорил.

В этот раз Вивьен удивил друга, начав с вопроса:

– Недавно в город явился один бродячий проповедник. Довольно громкий малый. Зовет себя Базилем Гаетаном. Тебе он на глаза попадался?

Ренар передернул плечами.

– Я его видел, – честно ответил он. – Даже послушал, что он там бормочет. Ничего примечательного. Такие в город часто заходят. – Ренар нахмурился. – А почему он тебя заинтересовал? Он что-то сделал?

– Кое-что сделал.

Ренару не понравилось, как это прозвучало. В голосе Вивьена была злоба, а различать в его интонациях злобу личную и касающуюся службы он за годы научился хорошо. Здесь – звучала личная.

– Говоришь так, будто он не кому-нибудь, а тебе жизнь подпортил.

Вивьен задумчиво замолчал, и это Ренару тоже не понравилось. Потому что он не представлял себе, каким образом бродячий проповедник мог испортить жизнь инквизитору, – уж не своими проповедями, это точно, – а значит, в деле замешан кто-то еще.

– Что произошло? – как можно небрежнее спросил Ренар.

– Ты, часом, не видел, как вчера утром на площади арестовали девушку, которую якобы уличили в колдовстве?

Ренар приподнял бровь. Это «якобы», прозвучавшее с едва заметным нажимом, смутило его, вызвав нехорошее предчувствие.

– Не видел, – ответил Ренар. – А кто арестовывал? Не ты, я полагаю.

– Городская стража.

– Вероятно, по доносу того самого проповедника, – предположил Ренар. По выражению лица друга он понял, что не ошибся. Из груди его вырвался тяжелый вздох. – Расскажи, как было дело, – кивнул он. – Эта история мне уже заранее не нравится, и я не хочу растягивать это, слушая ее кусками.

Вивьен смерил его странным взглядом, помолчал несколько мгновений, а затем рассказал о своей встрече с Элизой.

– По правде говоря, я ни с чем таким еще не сталкивался, – вздохнул Вивьен, заканчивая рассказ. – Ее познания в вере скудны и расплывчаты, а манера разговора больше напоминает манеру знати. Из ее рассуждений о людях я понял, что она неплохо разбирается в них, а значит, скорее всего, тяготеет к ним, но живет при этом в лесу. Она относится к инквизиции с опаской и настороженностью, но при этом не боится бросаться смелыми словами и задавать нелепые вопросы. А ее высказывание о ереси... – Вивьен покачал головой. – По правде говоря, я действительно еще не встречал никого, похожего на Элизу. И я хочу понять, что сделало ее такой, какая она есть. Понимаешь?

Ренар слушал хмуро, не скрывая своего отношения.

– Может, перестанешь уже смотреть на меня, как на врага? – хмыкнул Вивьен.

– Мне не нравится, как ты рассказываешь об этой еретичке, – признался Ренар.

– Как?

– Участливо.

В голосе друга звучал вполне определенный укор и нескрываемое предупреждение, о котором Вивьен прекрасно знал. Он покачал головой.

– Брось, здесь же совсем другое дело.

– Вив, – проникновенно обратился Ренар, положив ему руку на плечо, – здесь короткий разговор должен быть. Ты должен был рассказать, что встретил язычника, разузнал о том, кто ее учил, и всех соучастников арестовал. А то, что говоришь ты, больше напоминает... – Ренар нахмурился. – Ты сам знаешь, что.

Вивьен тяжело вздохнул.

– Она одна.

– Ха! – громко и едко хохотнул Ренар. – Еще скажи, что один еретик не может нести угрозу! От тебя это будет вдвойне хорошей шуткой.

Вивьен поморщился.

– Элиза, судя по всему, не имеет ничего против истинной веры. Научить ее и принять в лоно Церкви – вот, что мы должны сделать. Не обязательно для этого арестовывать ее. К тому же я полагаю, что в условиях насильственного насаждения веры она будет сопротивляться гораздо дольше.

– Ты теперь будешь всех еретиков так подлаживаться? – фыркнул Ренар. – Лишь бы им не было неудобно? Или дело только в том, что она недурна собой, и у тебя на уме далеко не благовидные помыслы?

– Знаешь, не тебе меня поучать благовидными помыслами! – прошипел Вивьен, заставив друга замолчать и поджать губы. Ни один из них не был безгрешен в вопросах целомудрия.

Несколько мгновений между ними висело тягучее молчание. Вивьен нарушил его первым:

– Об одном прошу: не привлекай внимание Лорана к этой истории, – со вздохом попросил он. – Дай мне время самому разобраться. Ты смотришь на меня осуждающе и напоминаешь о том, что было два года назад, но, если ты не забыл, не из-за меня эта история закончилась так плачевно.

Ренар сурово нахмурился.

– Она *не закончилась*, – напомнил он. Вивьен примирительно приподнял руки.

– Ты понял, о чем я говорю, – сказал он.

Ренар некоторое время тяжело размышлял, затем вздохнул и махнул рукой.

– До первых тревог, – сказал он. – До первых тревог я буду хранить молчание. Но если эта история начнет выходить из-под контроля, я должен буду принять меры. Ты знаешь это.

Вивьен с благодарностью положил другу руку на плечо.

– Я знаю, – кивнул он. – И понимаю, что ты хочешь сказать. Ренар, я ничего не забыл, нам обоим тогда крепко досталось. Я тоже держу ухо востро, и если бы Элиза была так же опасна, я и говорить бы ничего не стал, а сделал бы все, как должно. Но, поверь, тут другое дело. Позволь мне в нем разобраться, ладно?

Ренар недовольно махнул рукой.

– Ладно. Если от меня требуется просто не говорить об этом с епископом, я могу этого не делать. – Он посмотрел на друга и осклабился. – А ты смотри, не перетрудишься, пока будешь обучать ее катехизису.

– Ради всего святого, я ведь серьезно! – воскликнул Вивьен, перебрав четки в руках. Лишь теперь Ренар обратил на них внимание.

– Постой, у тебя ведь были другие четки.

– Да, – пожал плечами Вивьен. – Свои я отдал Элизе.

– Начал обучать катехизису с подарка? – усмехнулся Ренар.

Вивьен предпочел не реагировать на колкость и снова перебрал четки в руке.

– Судя по людской молве, она уже не первый год живет одна в лесу, в небольшом доме. И даже не думай вот сейчас иронизировать! – Он угрожающе взглянул на Ренара, и тот сдержал улыбку.

– Как скажешь, мой друг, как скажешь. Что же дальше? Наведаешься к ней с визитом? Будешь рассказывать основы католической веры?

– Для начала, – Вивьен чуть прищурился, – посмотрю, чем она занимается и что это за травничество. А дальше, – он передернул плечами, – ориентируюсь.

– Не сомневаюсь, – снова усмехнулся Ренар, и Вивьен предпочел пропустить мимо ушей сальный намек, прозвучавший в его интонации.

‡ 3 ‡

Небольшой деревянный домик с каменным фундаментом – на удивление ухоженный и крепко сбитый – стоял на небольшой поляне посреди леса Румар, соседствующего с Руаном. Недалеко от деревянного крыльца с помощью камней было выложено место для костра, от которого сейчас остались только угли. Вокруг, словно планомерно обступая дом, возвышался смешанный лес, так и не решившийся отвоевать себе хоть кусочек этой небольшой поляны.

Подходя к дому, Вивьен с удивлением отметил, что трава аккуратно скошена. На поляне стояло несколько грубых срубов деревьев, образовывавших подобие табуретов, на которых, как показалось Вивьену, можно было запросто расположиться с комфортом. Не очень внушительная, но достаточно большая стопка дров лежала под навесом крыльца слева от входной двери.

«Неужели сама рубила дрова и косила траву?» – промелькнул в голове Вивьена вопрос, заставивший его едва заметно ухмыльнуться. Внешне же он оставался нарочито серьезным, приближаясь к жилищу лесной отшельницы.

Настойчивый стук в дверь не сразу снискал ответ, однако Вивьен услышал, что в доме стало подозрительно тихо. Не став тратить время на ожидание, он постучал еще раз, решив, что со следующей попыткой может применить грубую силу.

Стоило подумать об этом, как дверь приоткрылась, и лицо, в котором смешивались поцелуи солнца и нордическая красота, появилось в дверном проеме с выражением искреннего удивления.

Миновало четыре дня с момента их знакомства, и Вивьен даже на миг подумал, что Элиза успела позабыть о нем, стерев из памяти весь тот день, полный ужаса перед возможным допросом инквизиции. Однако эта мысль растаяла, как утренний туман, когда Вивьен обратил внимание на ухватившуюся за дверной косяк руку девушки: на ее тоненькое запястье были намотаны подаренные им четки с черными бусинами и чуть обтесанным от времени простым серебряным крестом.

– О... это вы, – смущенно пробормотала она. Вивьен не сумел понять, что услышал в ее интонациях, но ему показалось, что Элиза не была рада вновь увидеть его. Тем не менее, она качнула головой и смиренно отступила от двери, приглашая его внутрь.

Он беззастенчиво шагнул через порог, тут же оглядев небольшое помещение, заставленное разнообразной домашней утварью и глиняной посудой. У самого окна стояла грубая деревянная столешница, а к стене была прибита коряга, на которой, как на крючьях, висела накидка. В воздухе витал горьковатый запах растений. Источник этого запаха было легко обнаружить: то были висящие на балках пучки сушащихся трав. Комната словно была поделена на несколько зон. В углу, недалеко от каменного очага стояла кровать, над которой висели украшения странного вида – часть из них состояла из камней, нитей и перьев, часть из каких-то бусин, часть из стекляшек и скорлупок, причудливо связанных между собой шнурками. Был здесь и угол, где стоял довольно громоздкий, но крепко сделанный сундук – как рассудил Вивьен, в нем Элиза хранила свою одежду. Небольшой вычищенный деревянный чан, служивший для омовения, стоял в противоположном от окна углу комнаты. Создавалось впечатление, что многие предметы обихода здесь были сделаны с любовью своими руками, а не куплены на рыночной площади. Единственным явно купленным предметом было висевшее на стене зеркало – редкая роскошь, особенно для лесной отшельницы. Вивьен даже догадывался, какой мастер занимался его изготовлением. Ему бросилось в глаза еще несколько элементов, которые странно было видеть в доме крестьянки: стеклянные бутылки и склянки, металлический кубок с изящной гравировкой, притаившийся меж простых глиняных мисок и лоскутное покрывало на кровати, сшитое из нескольких кусков ткани ярких, дорогих цветов с вышитыми узорами.

На столе было небрежно брошено веретено, с которого свисала спряденная нить, а рядом с ним лежала светлая, чистая, хорошо вычесанная овечья шерсть.

Вивьен не мог взять в толк, откуда у Элизы нашлись средства на такие вещи, но эту загадку пришлось отложить: от изучения помещения его почти мгновенно отвлекла одна деталь.

На небольшой скамье подле столешницы сидел перепуганного вида мужчина лет сорока на вид, держа в руке небольшую бутылку из мутного стекла, с каким-то отваром, в котором плавали листья растения, определить которое Вивьен сходу не смог.

– Это... та самая проверка, о которой вы говорили? – спросила Элиза, вновь обращая на себя внимание инквизитора. Он повернулся к ней через плечо и отметил ее робость и смятение. Сейчас Элиза напоминала гостью в собственном доме.

Неприятно удивленный тем, что не застал ее одну, Вивьен предпочел сосредоточить все свое внимание на посетителе отшельницы. Тот вскочил со своего места и выпрямился. Глаза его испуганно забегали.

– Да. И, насколько вижу, я явился вовремя, – не сводя взгляда с мужчины, отозвался Вивьен. Далее голос его зазвучал ощутимо строже и громче. Словно отчеканенные на монетном дворе слова инквизитора были обращены к перепуганному горожанину: – Имя и цель визита.

От льдистой холодности его тона мужчина чуть побледнел и заметно вздрогнул, прижав к себе бутылку так, словно она была живым существом – крайне нежным и ранимым.

– Прошу вас соображать быстрее, мой друг, – ухмыльнулся Вивьен, чуть смягчив тон, но несколько не уменьшив угрозы в голосе, – я *очень* не люблю повторять.

Сглотнув, мужчина наконец заговорил:

– Г-господин инквизитор... отче... я тут просто... я...

– Имя, – не скрывая раздражения, перебил Вивьен, – и цель визита.

– Я... Мое имя Жан-Жак, господин инквизитор. Я пришел, чтобы...

– Вивьен, – вдруг обратилась Элиза. В голосе ее прозвучало осуждение, скрыть которое она то ли не смогла, то ли не захотела.

Вивьен замер – отчего-то собственное имя, произнесенное этой странной девушкой, подействовало на него сильнее, чем он мог предположить. Элиза тем временем приблизилась и внушительно посмотрела на него, стойко выдержав его строгий взгляд.

– Этот человек пришел ко мне за настойкой, которая поможет ему спать. Прошу, не волнуйте его, ему и так приходится несладко. Он ни в чем не провинился перед вами, просто болен. Позвольте ему отправиться домой. Вы пришли с проверкой *ко мне*, и я готова рассказать вам все, что пожелаете.

Несколько мгновений Вивьен молчал, и молчание это казалось Жан-Жаку почти требовательным.

– Господин инквизитор, я просто плохо сплю! Я молюсь, молюсь истово, отче, я клянусь, но...

Вивьен резко отвел взгляд и сделал вид, что изучает окружающее пространство, будто Жан-Жак внезапно совсем перестал его интересовать.

– Иди, – холодно перебил он.

Посетителя не пришлось упрашивать дважды. Он сорвался с места и бросился к двери так, будто за ним гналась свора адских псов. Вивьен опустил взгляд, и отвлекся от своих размышлений, лишь когда вновь услышал голос Элизы:

– Спасибо, – произнесла она, и в ее интонации не было и намека на елейную неискренность, которую Вивьен обычно чувал даже издали. Лишь благодарность и облегчение.

Несколько мгновений она внимательно изучала его выражение лица, затем чуть склонила голову и вопрошающе кивнула.

– Вы... тоже плохо спите? – спросила она, заставив его напрячься. – Поэтому отпустили Жан-Жака?

– С чего ты взяла?

– По вашему лицу. Когда он сказал о том, что не может уснуть, вы перестали на него смотреть и помрачнели.

Он ожег ее взглядом, ядовито прищурившись.

– Я не испытываю трудностей со сном, – солгал он. – Кроме, разве что, нехватки времени на него.

Элиза понимающе кивнула, и Вивьен был уверен, что она ему не поверила. Борясь с нахлынувшим смятением, он сосредоточил взгляд на переносице девушки, избегая таким образом смотреть ей в глаза, но сохраняя иллюзию зрительного контакта.

Элиза суетливо положила руки на столешницу, затем, словно не зная, куда их деть, заложила за спину и неловко улыбнулась.

– Итак, желаете осмотреться?

– Для начала желаю узнать, почему этот человек пришел за настойкой против своего недуга *к тебе*, а не отправился к городскому лекарю или не попытался загладить молитвой свои грехи, чтобы совесть не болела, а спалось лучше?

Элиза несколько мгновений смотрела на него в недоумении. Затем ответила:

– Он пришел ко мне, потому что я не пытаюсь никого обмануть своими отварами. Не подкрашиваю воду, чтобы продать ее на рынке, а продельваю настоящую работу.

– Это какую же? – прищурился Вивьен, сложив руки на груди. Элиза, напротив, развела руками, тут же разгладив сюрко.

– Если пойдете со мной, могу показать.

Первым делом Вивьен хотел отказаться. Он опасался того, что может увидеть и не хотел сталкиваться ни с чем, что могло бы отправить Элизу обратно в тюрьму, будь то колдовские ритуалы или языческие обряды. Теперь слова Ренара о том, что он проявляет тревожное участие к этой девушке, уже не казались ему надуманными и ненужными придирками.

«Неужто жизнь меня вообще ничему не учит?» – внутренне укорил себя Вивьен.

– И куда ты собираешься идти? – нахмурился он.

– В лес, – пожала плечами Элиза, тут же пояснив: – Травы ведь сами себя не соберут. Хотя иногда жаль, что этого не происходит. – Она вздохнула. – Что бы ни сказал про меня тот проповедник, на деле никаких магических сил у меня нет. Я владею только знаниями, которые достались мне от матери.

Вивьен чуть приподнял подбородок и, продолжая смотреть на нее нарочито безразлично, спросил:

– И где твоя мать сейчас?

– Вестимо, странствует, – ответила Элиза. – Несколько лет назад, обучив меня всему, что знала, матушка сказала, что отправится путешествовать. На тот момент я уже вполне могла позаботиться о своем благополучии, посему она за меня не волновалась. Я знаю, что и она не пропадет в своем странствии. – Улыбка Элизы вдруг стала печальной, хотя в ней и сохранилась легкая мечтательность. – Так как? Вы со мной пойдете, Вивьен? Поверьте, если и проводить где-то проверку, то делать это стоит в лесу, где я собираю травы. А еще, помнится, вы обещали рассказать мне о ваших духах, поэтому я бы с удовольствием послушала вас по дороге.

Вивьен склонил голову.

– О духах?

– Да. О тех, что обитают в ваших храмах, – кивнула Элиза. – Мы говорили о них, когда вы подарили мне вот это. – Она демонстративно приподняла руку, на которую были намотаны четки, и любовно перебрала несколько бусин другой рукой. – Они очень красивые.

Вивьен, как ни старался, не сумел сдержать улыбку, и Элиза мгновенно ответила ему тем же. Она будто ловила каждый миг, когда с его лица спадала маска напряженности, и пыталась прочесть его искреннее отношение к ней.

– Если уж так, то мы не называем наших святых духами. По крайней мере, явно не в том понимании, в котором это говоришь ты, – сказал Вивьен.

– А разве святой дух, о котором вы говорите, не то же самое?

Вивьен встряхнул головой. Его обезоруживала и изумляла искренняя непосредственность, с которой Элиза задавала эти вопросы – и не кому-нибудь, а инквизитору.

– Не совсем. Святой Дух – это одна из трех ипостасей Господа.

– А святые – это люди, – кивнула Элиза. – Я помню, вы так сказали.

Вивьен улыбнулся.

– Это были пророки, апостолы, мученики, святители, преподобные... – Он пожал плечами, замечая, что Элиза, хоть и внимательно вслушивается, начинает путаться. – Пожалуй, о них я расскажу тебе как-нибудь в другой раз. Это долгие рассказы, – нарочито важно проговорил он, добавив про себя: «и далеко не всегда интересные». Рассказы о житии святых во времена обучения в Сент-Уэне зачастую нагоняли на него скуку и сонливость, за что он получил не одну епитимью.

– Что ж, если так, – Элиза чуть поджала губы, но тут же снова улыбнулась и направилась к выходу из дома, – тогда буду ждать вашего рассказа в следующий раз. Вы не ответили: отправитесь со мной в лес?

Вивьен вздохнул и молча последовал за Элизой. Она уверенно вошла в чащу, двигаясь по ней так, словно знала здесь каждый росток, и периодически с удивительной нежностью прикасалась к стволам деревьев, будто они могли обнять ее в ответ.

– Только будьте здесь осторожнее. Лучше идите по моим следам, – сказала она. Вивьен следовал за ней мрачной тенью, зарисовывая в своей памяти каждое движение девушки.

– Вы смотрите на меня так пристально, что я ощущаю ваш взгляд затылком.

Слова Элизы заставили Вивьена вздрогнуть. Она повернулась и настороженно посмотрела на него.

– Вы меня в чем-то подозреваете?

– Я предпочитаю не подозревать без повода, – ответил он.

Элиза шагнула к нему.

– Тогда почему вы держитесь так, будто в каждом моем движении видите повод вернуть меня в тюрьму? – требовательно и с осуждением спросила она. – Если вы явились за этим, зачем было выпускать меня?

Вивьен терпеливо вздохнул.

«Попади ты на допрос к Ренару, он бы за такой норов и такие высказывания заставил палачей тебя измучить», – с горечью подумал он, вновь остро ощутив желание не допустить ничего подобного.

– Чего вы хотите добиться этой проверкой? – спросила Элиза.

– Правды, – кивнул Вивьен. – Я инквизитор, Элиза, мое дело – находить истину. За этим я и здесь.

– Какую истину?

– Не опасна ли ты.

Последние слова он отчеканил холодно, взгляд его ничего не выражал. Глаза Элизы будто запали, как только она почувствовала реальную угрозу.

– Чем я могу быть опасна? – тихо спросила она.

– Ты сама сказала, что ненавидишь ересь, – напомнил Вивьен. – Но при этом у твоей кровати развешены украшения, больше всего напоминающие языческие амулеты. Что ты об этом скажешь?

– Амулеты напоминают мне о матери, не больше! – возмутилась Элиза. – К тому же они никому не причинили вреда. А ересь может затуманить разум и погубить человека...

Вивьен пристально взгляделся в ее помрачневшее лицо. Она явно имела в виду какую-то историю из прошлого, причинявшую ей боль. Вероятно, кто-то, кто был ей дорог, попал в руки инквизиции из-за ереси. Отсюда ее личная опаска перед Святым Официумом и ненависть к тому, что погубило ее близкого. Однако собственные воззрения Элиза ересью, похоже, не считала. Или не хотела считать.

– Ты говоришь, что ересь опасна и губительна. Но язычество тоже к ней причисляют. Ты знала это?

Элиза с вызовом приподняла голову, и Вивьен понял: она знала. Но будто надеялась, что он – инквизитор – не будет так считать. Бессмыслица, но Вивьен вынужден был иметь с нею дело прямо сейчас. И, как ни странно, не испытывал сильного внутреннего сопротивления.

– Мне нужно принять крещение, чтобы доказать, что я никому не желаю зла? – воинственно спросила Элиза. – Тогда я не буду опасной?

– Невозможно не желать зла *никому*, – усмехнулся Вивьен. – Кому-то зла желают даже истинные праведники, такова человеческая природа. Мы слабы духом.

– Я знаю, – едко отозвалась Элиза. – Но стоит ли говорить такое инквизитору, который выискивает в тебе опасность?

И снова этот обличительный тон. В глазах язычницы то и дело вспыхивал огонь злости и обиды, который она обрушивала на Вивьена за то, что доверилась ему, а он ее обманул. Воистину, Элиза не походила ни на кого, кто побывал в допросной комнате за время работы Вивьена Колера. То, чего она от него ждала, то, чего она от него *требовала*, переходило все границы разумного. И все же каким-то образом Элизе почти удалось пристыдить Вивьена и заставить его ощутить неуют.

– Веришь ты или нет, но я не враг тебе, Элиза, – спокойно сказал он. – И я вовсе не желаю тебе зла.

– А чего вы мне желаете?

«Того, что может выйти мне боком. Опять...» – подумал Вивьен, но озвучивать этого не стал.

– По правде говоря, – нехотя произнес он, – я просто хочу... *понять* тебя.

Повисла тишина, нарушаемая лишь звуками леса. Элиза смотрела на Вивьена, явно пораженная тем, что услышала. Как будто она только сейчас в полной мере осознала, что говорит с инквизитором.

– Понять? – переспросила она наконец.

Вивьен вздохнул.

– Я не солгал насчет проверки. Я здесь, чтобы выяснить, опасна ли ты. Пока что я не вижу в тебе опасности. Но я и не понимаю, во что ты веришь, какими принципами руководишься в своем ремесле. Я полагаю, твой рассказ об этом позволил бы мне прояснить ситуацию, поэтому я хочу тебя послушать.

– Послушать... мою *ересь*? – испытующе спросила она. – Просто чтобы понять? Не для того, чтобы посадить потом в тюрьму?

– Если бы я хотел это сделать, уже бы сделал, – напомнил Вивьен. – Потому что факт наличия ереси не является тайной ни для меня, ни для тебя. Так что да, Элиза. – Он внимательно посмотрел ей в глаза. – Я хотел бы послушать твою ересь.

Несколько мгновений Элиза стояла, словно обдумывая, что может сказать, и готовясь преподнести это инквизитору. А затем кивнула и повернулась к нему спиной.

– Что ж... не возражаете, если я продолжу собирать травы? – спросила она, и в голосе ее прозвучала легкая дрожь.

– Как угодно, – отозвался Вивьен, приготовившись слушать. Элиза некоторое время молчала, и он подтолкнул ее: – Так во что ты веришь?

– В силу, что дает нам земля, – без колебаний сказала она, обернувшись. – Я верю в природу. Прежде всего – в нее. Мир сам по себе является для нас мощнейшим источником силы. – Элиза словно для демонстрации обвила рукой лесную чащу. – Стихия властвует над нами, но одновременно позволяет пользоваться своими благами, потому что мы – часть ее. – Почувствовав, что инквизитор смотрит на нее с подозрением, Элиза поспешила добавить: – Я не отрицаю, что все живое было создано Господом. По крайней мере, я не вижу противоречий. Его единый в нескольких ипостасях образ подтверждает единение человека и природы. Наш Создатель таким образом показывает нам, что мы не должны отделять себя от земли, что дала нам жизнь, ведь она все равно сильнее нас и, если проявлять к ней неуважение, она даст нам это почувствовать.

– Например, Великим Потопом? – предположил Вивьен, предпочтя не думать о том, отчего так хочет поддержать этот разговор.

– Например, – охотно согласилась Элиза, хотя Вивьену не показалось, что она поняла, о каком Потопе он говорил. – Так вот, при должном отношении земля помогает нам. – Она наклонилась, аккуратно сорвав верхушки нескольких растений, о свойствах которых Вивьен не имел ни малейшего понятия. – Она дает нам силы, дает способы справиться с хворью, отгоняет тревоги. Она любит нас, как любит нас и Господь. Природа принимает человека как свое дитя – одно из самых странных.

– Странных? – переспросил Вивьен.

– Странных. Непостижимых. Сложных. – Она обернулась, одаривая инквизитора загадочной улыбкой. – И по-своему прекрасных. Впрочем, разве образ Создателя всего живого и не должен быть таким? Ведь мы все созданы по его образу и подобию. – Она на миг запнулась, выжидающе уставившись на Вивьена. – Я же ничего не путаю?

Вивьен вздохнул, пытаясь осмыслить услышанное.

– И поэтому ты работаешь с травами? – спросил он.

Элиза снова собрала несколько травинок и завернула их в передник светлого платья.

– Растения, – одновременно мечтательным и поучительным тоном заговорила она, – это сосуд жизни. Можно пользоваться их дарами, но только чтобы созидать. И с животными, к слову, так же.

Вивьен качнул головой.

– Пользоваться... дарами животных, чтобы созидать?

Элиза улыбнулась.

– Животные – источник вдохновения, пищи и силы. Я одобряю охоту, но не ради жестокости, а ради пропитания. Если употреблять мясо животных в пищу, а мех использовать, чтобы укрыться от холода – таким образом можно оказать природе должное уважение. То есть, пользоваться благами, которые она дает тебе. Если ей неуютно, чтобы ты убил этого зверя ради своего пропитания, она сделает так, что у тебя ничего не получится. У нее есть силы на это.

– Но охоту ради удовольствия, чем любят заниматься знатные господа, ты, я так понимаю, не одобряешь, – хмыкнул Вивьен.

– Нет, – ответила она строго, одновременно наклоняясь и с удивительной нежностью убирая в передник очередное растение. – Использовать дары природы нужно, преобразовывая их, а не тратя попусту. Поэтому охота ради удовольствия, в *моем понимании* – это то, что вы называете ересью. Основной принцип, по которому я живу: не злоупотребляй. Осознавай, что забирая, потом непременно отдашь, хочешь ты того или нет.

Вивьен отчего-то улыбнулся.

– Твой принцип похож на уравнивание чаш весов, – сказал он.

– Природа любит равновесие и стремится к нему.

– Но ведь накидка против холода будет так же мертва, как животное, убитое графом ради развлечения. Разве нет?

Элиза тут же сверкнула на него глазами, и Вивьен примирительно поднял руки.

– Я пытаюсь понять, в чем разница, – мягко сказал он, искренне умиляясь тому, что эта хрупкая девушка позволяет себе злиться на инквизитора за то, что он недостаточно деликатен с ее ересью.

– Природа – это бесконечный цикл жизни, смерти и возрождения. Бесконечного баланса. И если создавать из этих ресурсов то, что помогает тебе продлить жизнь, баланс не нарушается. На принципе баланса построено всё.

Вивьен замер, и Элиза обернулась, почувствовав его напряжение.

– Возрождения? – повторил он, прищурившись. – Что ты имеешь в виду?

Элиза непонимающе склонила голову набок.

– То, что умерев, через какое-то время мы рождаемся вновь, – невинно произнесла она, и Вивьен почувствовал, что бледнеет. Ему уже приходилось слышать подобное убеждение. В это верил человек, которому до сих пор удавалось скрываться от правосудия. – Вивьен, – обеспокоенно обратилась Элиза, сделав к нему шаг. – Что с вами? Вы побледнели. – Она говорила испуганно, понимая, что такая реакция инквизитора не сулит ей ничего хорошего.

– Что ты думаешь о рае и аде? – строго спросил он. Элиза удивленно посмотрела на него.

– Я... часто слышала о них от тех, кто приходил ко мне, но я... – Она потупилась, не зная, стоит ли говорить это инквизитору, однако все же решилась: – Я не знаю, так ли они устроены, как описывают люди, или нет.

«И существуют ли вообще», – добавила она про себя, но пока предпочла не произносить этого вслух.

– Что, по-твоему, нужно сделать, чтобы воссоединиться с Господом? – упорствовал Вивьен.

Элиза покачала головой.

– Мы всегда с ним едины: он, как и природа, вокруг и внутри нас. И мы рождаемся вновь и вновь, чтобы это почувствовать. – Она невинно улыбнулась и сделала шаг к Вивьену, который продолжал смотреть на нее строго и с опаской. – В том, что я говорю, нет ничего такого, чего не видели бы вы сами, – мягко произнесла она. – Стоит только присмотреться, и вы увидите все то же самое. И поймете, что одно не противоречит другому. – На миг Элиза потупила взгляд, но быстро снова посмотрела в глаза Вивьену. – Я не стала бы говорить этого другому инквизитору, но я вижу, что вы действительно можете понять. В отличие от многих, вы не следуете вере слепо. Я убедилась в этом, когда вы предпочли провести допрос там, в храме. Вы *чувствуете*, а не бредёте по пути своей веры вслепую.

Вивьен вздохнул и чуть приподнял подбородок.

«Какие еще тебе нужны доказательства? Она убежденная еретичка. Арестуй ее», – подумал он, и отчего-то эта мысль прозвучала в голове голосом Ренара.

Он представил себе, как говорит Элизе, что она арестована, как хватает ее за руку, а она испуганно идет за ним в отделение, роняя собранные травы. В допросной Вивьен даже вообразить ее не хотел.

«Так ли она опасна, чтобы заслужить такое? Только посмотри на нее! Проклятье, если Ренар узнает об этом, нам с Элизой обоим несдобровать...»

Однако Вивьен уже понял, что решение принято – и было принято в тот самый момент, когда он отогнал от Элизы стражника.

– Что ж, – выдохнул он, – на сегодня, я полагаю, проверка закончена.

Элиза прерывисто вздохнула.

– Вы меня арестуете?

«Да!»

– Нет.

Элиза нахмурилась. Верить ему она не спешила.

– В следующий раз вы явитесь с отрядом городской стражи, – не спросила, но утвердила она. Несколько мгновений Вивьен размышлял над этим, но затем все же покачал головой и снова сказал:

– Нет.

– Вы так говорите, потому что не хотите, чтобы я сбежала, – скорбно заметила Элиза. – Так, может, проще арестовать меня прямо здесь и сейчас? Зачем вам стража?

– Я же сказал, что не собираюсь тебя арестовывать, – терпеливо заметил Вивьен. – Твое видение мира, – он помедлил, – отличается от моего. Но, когда я учился в Сент-Уэне, я иногда пробирался в библиотеку и видел книги, в которых было написано нечто похожее. Возможно, не полностью, но... во всяком случае, в твоих убеждениях нет ничего от дьявола, я не вижу в них зла, а главное – я не вижу в них ереси катаров.

Элиза непонимающе качнула головой.

– Катаров?

Вивьен едва заметно улыбнулся.

– Я расскажу тебе о них как-нибудь в другой раз. Во время следующей проверки, к примеру. – Глаза его едва заметно блеснули, и он отступил на шаг. – А пока что мне пора возвращаться в город.

Элиза смиренно кивнула.

– Что ж... тогда до скорой встречи?

Он предпочел сохранить молчание и, не прощаясь, развернулся и направился в город.

‡ 4 ‡

Настала очередная ночь, когда сон отказался посещать Вивьена Колера. Несмотря на усталость, бессонница – его жестокая и несговорчивая подруга – решила главенствовать в его теле и разуме, не оставляя ни шанса на отдых. Вивьен ворочался с боку на бок, пытаясь найти то положение, в котором сможет забыться сном хотя бы на несколько часов, но в душе уже понимал, что сегодня ему это не удастся.

Из головы все не шел образ Элизы, а ее слова эхом звучали в ушах.

Несколько дней он не решался вновь прийти к ней. Не потому, что ее идеи мироустройства отдаленно напомнили ему катарскую ересь, а потому, что он слишком легко нашел для себя множество различий в ее рассуждениях и мировоззрении катаров. Отчего-то Вивьен не уставал искать способы оправдать Элизу, и это было тревожным знаком. Он не должен был так себя вести и знал это, но не мог сопротивляться внутреннему порыву, и его это пугало.

Обсудить свои переживания с Ренаром Вивьен не посмел. Он догадывался, как его друг среагирует на идею о перерождениях после истории, случившейся с ними два года назад. Никакие уговоры не заставили бы Ренара пощадить Элизу – он явился бы к ней с отрядом городской стражи, арестовал бы еретичку и был бы прав.

Вивьен всей душой не хотел этого. Успокаивало его лишь то, что Ренар не интересовался мировоззрением Элизы. На удачу Вивьена, он быстро укрепился в своем мнении, что Элиза попросту приглянулась его другу, и все эти проверки – лишь способ рано или поздно получить ее страстную благодарность за освобождение из тюрьмы.

– Этим дело не кончится, – тоном знатока возвестил Ренар, услышав рассказ о встрече с Элизой, в котором Вивьен успешно миновал подробности ее отношения к перерождению. – Помяни мое слово.

– Не говори ерунды, – нахмурился Вивьен, однако тем же вечером отправился к Элизе, вознамерившись проверить, не сбежала ли она после их недавнего разговора.

Элиза не сбежала: Вивьен застал ее на поляне возле дома с сухим деревом и топором. Не сразу заметив приближение инквизитора, хрупкая девушка с несколько не сочетающимся с ней остервенением замахнулась топором и ударила по куску сухого ствола, который втащила на один из пней, служивших табуретами.

Вивьен на некоторое время замер, наблюдая за ней и боясь спугнуть. Лишь когда Элиза устало опустила топор и отерла чуть взмокший лоб рукавом на удивление изящного зеленого платья из простой ткани, он выступил из тени деревьев и приблизился к ней. Первым делом он заметил, что его подарок – четки – до сих пор красуется на ее запястье.

– Гляжу, ты не сбежала после нашей последней встречи, – ровным голосом произнес он, тут же подивившись самому себе: обыкновенно такой тон он использовал на допросах, но не при разговорах с обычными людьми. К примеру, в трактирах он отмечал, что голос его звучит более приветливо.

Элиза вздрогнула, заметив его, и растерянно огляделась по сторонам, словно на этой поляне она прятала следы того, за чем ее никак не должен был застать инквизитор.

– Вы же сами сказали, что не собираетесь меня арестовывать, – нахмурилась она, переводя дыхание. Похоже, ее вполне устроила его манера начинать разговор безо всякого приветствия.

Вивьен приблизился, смерив ее оценивающим взглядом сверху донизу. Последнее ее утверждение он предпочел оставить без ответа.

– Я так и не спросил тебя в прошлый раз, кто помогает тебе заниматься грубой работой вроде рубки дров. – Он вновь взглянул на сухой ствол дерева. – Но, пожалуй, теперь я нашел ответ на свой вопрос. Впечатляет.

Элиза неловко передернула плечами.

– Я нашла это сухое дерево в лесу. Возможно, его повалило ветром, потому что оно было больным и не выдержало его порывов. Но это не значит, что в нем не осталось сил: стихия таким образом показывает нам, *что* мы должны использовать, чтобы превратить смерть в новую жизнь.

Вивьен чуть поморщился.

– Сгорая в твоём очаге, это дерево обретет новую жизнь?

– Сгорая в моём очаге, это дерево не умрет бесполезным, – вторя его тону, ответила Элиза, чуть с вызовом приподнимая голову.

Она всмотрелась в его лицо, чуть прищурившись, словно запросто могла разглядеть и причину его бессонницы, и сам факт ее наличия. Он сдержал желание поежиться и отступить. Вместо того он перевел взгляд на топор в руке Элизы и вопрошающе кивнул.

– Это не женское дело, – хмыкнул он, – дрова рубить. Этим вполне могли бы заниматься люди вроде Жан-Жака, которые ходят к тебе за снадобьями.

Элиза небрежно отмахнулась и качнула головой.

– Они предлагают. Но, – она помедлила, чуть поджав губы, – я стараюсь не позволять им мне помогать. Они рассчитывают на... вполне определенную благодарность от меня, если хоть ненадолго ведут себя со мной, как со своими женами.

Вивьен улыбнулся и вернул Элизе ее испытующий взгляд.

– Ты не ощущаешь себя в безопасности, если принимаешь помощь мужчин? – приподняв бровь, спросил он.

– Я ощущаю себя в безопасности, – лицо Элизы вдруг исказила кривоватая, почти заговорщицкая улыбка, – потому что не принимаю ее. Да и к тому же здесь, в лоне природы, нет ничего такого, с чем я не в состоянии была бы справиться. Лес помогает, если знаешь, как с ним договориться.

Вивьен усмехнулся.

– Дай сюда, – мягко, но требовательно проговорил он, потянувшись за топором в руке Элизы. В следующий миг он отстранил ее от пня и, вспомнив свое деревенское детство, за считанные минуты справился с сухим и податливым стволом дерева.

Элиза стояла чуть поодаль, не говоря ни слова. Видеть человека в черном монашеском одеянии за рубкой дров казалось ей чем-то невообразимым. Однако вот он, Вивьен Колер, стоял рядом и колол дрова. Элиза, затаив дыхание, наблюдала за каждым его движением, и в душе ее отчего-то начинала ворочаться непрощеная робость, какая возникала в ее жизни лишь единожды, в далеком детстве, предшествуя совсем другому, более глубокому чувству.

«Не смей!» – приказала себе Элиза, направив на инквизитора нарочито строгий взгляд, который тут же уступил место благодарному, когда Вивьен посмотрел на нее с улыбкой и кивнул.

– Вот и все, – сказал он.

Элиза выжидающе прищурилась, не ощутив, однако, опасности.

– У тебя найдется, чем промочить горло? – спросил Вивьен, не сводя с нее глаз.

– Найдется, – выдавила Элиза, понимая, что голос отчего-то становится предательски хриплым. – Вы... пройдете в дом?

Вивьен только сейчас заметил, что сегодня при встрече она избегает называть его по имени. Это наблюдение оказалось неприятным и кольнуло обидой, но он постарался не подавать вида.

– Нет. Я подожду здесь, – сказал он.

Элиза явно обрадовалась его ответу, кивнула и быстро скрылась за дверью.

В кустах справа от дома вдруг послышался какой-то шорох, и Вивьен весь обратился в слух, пожалев, что явился к лесной отшельнице без оружия. Схватив лежавший на земле топор, он начал осторожно приближаться к обступающему поляну лесу, ожидая увидеть там разбойника или другого враждебно настроенного человека. Однако, подойдя к кустам подлеска, все еще колыхавшимся от недавнего присутствия чужака, Вивьен никого не обнаружил. Кто-то был здесь, но ускользнул так быстро, что разглядеть его не представилось возможным.

– Вивьен? – услышал он, тут же развернувшись на голос.

Элиза стояла на крыльце своего дома с глиняной чашкой и недоуменно смотрела на инквизитора, замершего с топором у кустов. Чуть помедлив, она спустилась по ступеням и неспешно приблизилась к нему.

– Спасибо, но больше дров мне не нужно, – с улыбкой сказала она, передавая ему глиняную чашку. Однако улыбка быстро покинула ее лицо, когда она разглядела, каким настороженным было выражение глаз Вивьена. Элиза нахмурилась. – В чем дело? Что-то случилось?

Вивьен вновь оглянулся в сторону густого леса.

– Кто-то был здесь только что. Но он успел сбежать. – Вивьен перевел взгляд на Элизу, и она оторопело приподняла брови, заметив, что в глазах его нет ни ревности, столь свойственной мужчинам, ни подозрительности, ни злобы. Только беспокойство. – Здесь опасно, – хмуро сказал он. – Если кто-то...

– Вивьен, – покачав головой, перебила она, вновь протянув ему чашу с каким-то травянистым отваром, – нет нужды беспокоиться об этом. Поверьте мне, я живу здесь не первый год и знаю, насколько здесь безопасно. Мне очень приятна ваша забота, но, говоря по правде, вам не стоит волноваться.

Он наконец принял из ее руки чашу и прищурился.

– Ты знаешь, кто это был?

– Вивьен, я прошу, доверьтесь мне, – улыбнулась она, – как доверяете, принимая питье из моих рук после обвинения в колдовстве. Беспокоиться не о чем. Все хорошо.

Вивьен потрясенно взглянул на чашу в своей руке, и первым его порывом было отказаться от питья: у Элизы было достаточно времени, чтобы подмешать в напиток что угодно. Однако запах отвара подозрений не вызывал. Решив, что Элиза хотя бы из благодарности за то, что он помог ей избежать надругательства в тюрьме, не станет травить его, Вивьен, глядя ей в глаза, осушил чашу теплого отвара до дна.

Выражение лица Элизы сменилось с испытующего на дружественное. Она приняла чашу обратно и кивнула.

– Спасибо, – произнесла она.

– За что? – непонимающе нахмурился Вивьен.

– За доверие, – пожала плечами Элиза, тут же снова улыбнувшись. – А еще вы будете казаться менее угрожающим, если положите топор.

Словно только что вспомнив о нем, Вивьен едва совладал с желанием тут же его бросить. Он сдержанно кивнул и молча проследовал обратно к пню, где осторожно опустил топор на землю. Элиза наблюдала за ним с удивительно нежной улыбкой.

– И мне снова хочется поблагодарить вас, – сказала она.

– За что на этот раз?

– За бережное отношение к земле. Я думала, вы воткнете топор в землю или в пень, но вы положили его. Я редко наблюдала такое за мужчинами.

Не найдясь, что на это ответить, Вивьен пожал плечами и прочистил горло.

– Что ж, в том, что ты все еще здесь, я убедился, – возвестил он. – На этом проверку можно считать оконченной. Полагаю, мне пора.

Элиза смиренно опустила голову.

– Как скажете, Вивьен. Я полагаю, мы еще увидимся?

Он лишь кивнул ей, и, не прощаясь, двинулся прочь от поляны к городу.

Элиза проводила его взглядом, осознав, что его манера не здороваться и не прощаться отчего-то импонирует ей.

С каждым днем Вивьена все больше тревожило будущее. Он догадывался, что Элиза рано или поздно заинтересует Ренара. Друг может по справедливости потребовать от Вивьена отчета о том, как проходят проверки, и насколько ему удалось «разобраться в этой истории». Опасения стали подтверждаться, когда вопросы Ренара о Элизе начали все чаще промелькивать в их разговорах. Правда пока друга интересовали лишь подробности их совместного времяпрепровождения, а не мировоззрение лесной отшельницы.

– Воистину, Вивьен, я понять не могу, зачем ты к ней ходишь, – хмурился он, стоя под старым дубом. – Поначалу я подумал, что тебя просто к ней влечет. Она ведь... ну... – Он передернул плечами и предпочел не договаривать. Вивьен терпеливо вздохнул: периодически манера друга не доводить мысль до конца выводила его из себя, однако он предпочитал не высказывать ему этого.

– Она красивая, – со всей возможной отстраненностью сказал Вивьен. – Но я хожу к ней с проверками не поэтому. Я знаю, что тот проповедник оклеветал ее, потому что она не согласилась разделить с ним ложе, это ясно, как Божий день. Но меня не оставляла мысль, что она может быть опасна. Именно это я и должен был проверить.

Он поджал губы, резко умолкнув. С каждым днем он все яснее осознавал, что покрывает еретичку. Поначалу Элиза казалась ему наивной в вопросах веры, и Вивьен был уверен, что легко сможет сделать ее христианкой. Однако чем чаще он с нею разговаривал, тем лучше понимал: Элиза крепка в своих убеждениях и вряд ли так легко даст себя переубедить. К собственному стыду, Вивьен понимал, что не хочет этого делать.

«Воистину, я не умею учиться на своих ошибках», – корил он себя.

Корил, но продолжал покрывать Элизу.

– И как? – вырвав Вивьена из раздумий, нетерпеливо спросил Ренар.

– Что? – нахмурился Вивьен.

– Она опасна?

Нужно было рассказать Ренару хоть что-то, иначе он только яростнее ухватится за эту историю. С тяжелым вздохом Вивьен начал рассказ. Он в очередной раз опустил ту часть, в которой Элиза говорила о перерождениях, и поведал другу иные подробности ее жизни. Ее отношение к природе, ее языческие амулеты, ее умение обустройства дом и выполнять грубую физическую работу. Упомянул Вивьен и о ее посетителях, которые предпочитают снадобья Элизы рекомендациям городских лекарей или священников.

Ренар слушал, не скрывая, что вся эта история ему совсем не нравится. Однако он помнил о своем обещании другу молчать до первых тревог, коих, похоже, пока не ощущал.

– На околдованного ты не похож, – спустя примерно минуту, сообщил он.

– Вот уж благодарю, – саркастически хмыкнул Вивьен. – Это все, что ты вынес из моего рассказа?

Ренар поморщился.

– Нет, не все, – покачал головой он. – Но это больше всего беспокоило. В остальном все просто: тебя влечет к ней, как влекло того проповедника. Только если он мог лишь пожаловаться на нее, то ты можешь отправить ее в допросную, если она тебе не отдастся.

Вивьен резко ожег друга взглядом и сжал кулаки, и Ренар понял, что дела обстоят куда хуже, чем он предполагал.

– А, то есть тебя не просто влечет к ней – ты влюблен?

Вивьен неприязненно сморщился.

– Что за чушь?

– Чушь и есть, – кивнул Ренар, окидывая друга недовольным взглядом. – Как же тебя угораздило? И не в простую девку, а в лесную ведьму! Ты ни в чем не ищешь легких путей, верно? Если выбирать друга, то самого неразговорчивого и хмурого, если выбирать возлюбленную, так ту, за связь с которой можно угодить на костер, если выбирать наставника...

– Хватит! – строго оборвал Вивьен. – Наставника и себе в укор можешь поставить, не спихивай все на меня одного! А о ведьмах, – он огляделся вокруг и заговорил недовольным полупшепотом, – еще на весь город об этом прокричи.

Ренар понимающе улыбнулся, как только речь снова зашла о ведьме. Слова о наставнике же кольнули его не на шутку.

– Так значит, отрицать не станешь?

– А если стану, начнешь допрашивать?

Ренар усмехнулся.

– Допрос тут не требуется, тут все налицо. Поверь, я понимаю в этом достаточно.

Ренар Цирон, как и его друг, нося сутану инквизитора, не отличался праведностью – ее не сумел привить ни аббат Лебо, ни судья Лоран, ни их с Вивьеном учитель фехтования Ансель де Кутт. Впрочем, то, что праведность последнего не покорила умы и сердца его учеников, сыграло им лишь на руку.

Ведя допросы, Ренар Цирон не раз прибегал к особо пристрастной их форме, когда дело касалось хорошеньких собой еретичек. Оставаясь с ними наедине, он продолжал выпрашивать подробности их деяний, овладевая ими прямо на столах пыточной камеры. Крики допрашиваемых в тюрьме уже никого не смущали, а если б они вздумали очернить следователя инквизиции и сказать, что он вступил с ними в греховную связь, им, вероятнее всего, отрезали бы язык за клевету.

Сам Ренар касательно похоти придерживался весьма гибких взглядов.

– В конце концов, не ходило бы под небом столько людей, если б не похоть! – заверял он когда-то Вивьена. – Господь сказал Адаму и Еве: «плодитесь и размножайтесь». Разве не этим мы занимаемся, когда поддаемся похоти? А без похоти и размножиться-то не получится: в конце концов, не каждую ветвь хочется продлевать.

Теперешние мотивы Вивьена были ему вполне понятны. Ренара лишь удивляло, что друг все еще не потребовал у ведьмы благодарности за столь доблестное спасение из лап тюремной стражи. Однако вопросов об этом он больше не задавал, и Вивьен предпочел как можно скорее завершить разговор.

С наступлением темноты сон снова не пожелал оставаться с ним надолго: посреди ночи Вивьен проснулся, сел у окна и долго перебирал руками четки. Слова молитв и псалмов ускользали от него и не могли собраться воедино. Он молча сидел и смотрел на луну, затянутую дождевыми облаками, пока в подсвечнике догорала подожженная лучиной свеча.

Перед самым рассветом он, не давая себе отчета в своих действиях, опустил лежащее на столе гусиное перо в чернильницу и вывел на листе бумаги одно лишь имя: *Élise*.

На следующий день Вивьен и Ренар по поручению судьи Лорана выехали в одну из окрестных деревень: пришло прошение от местного старосты. История известная – одну из женщин в деревне уличили в колдовстве, посадили под стражу и просили инквизиторов при-
быть и казнить еретичку.

Вивьен, держась в седле, обратился к другу:

– Ты не задумывался о том, что в прошении было сказано, что инквизицию просят *казнить* еретичку, а не провести следствие или хотя бы дознание?

Ренар пожал плечами.

– Может, дознание уже успели провести без нас, и ведьма во всем созналась?

Вивьен покачал головой.

– Может быть.

Ренар недоверчиво взглянул на друга, почувствовав его недовольство, однако Вивьен предпочел не развивать этот разговор, и до деревни они ехали молча.

Деревенька вскоре обозначилась впереди одиноким шпилем небольшой каменной церкви, вокруг которой расположилось около дюжины домов. Самым большим, по-видимому, был дом деревенского старосты. Завидев подъезжающих всадников в церковных одеяниях, грузный плечистый мужчина с поседевшей неухоженной бородой вышел навстречу и поднял руки, приветствуя их.

– Господа инквизиторы! – окликнул он, почтительно склонив голову. – Хвала Господу, вы прибыли так быстро!

– Ты тут староста? – хмуро поинтересовался Ренар.

Мужчина с готовностью кивнул.

– Я, господа. Гаспаром меня звать, – виновато улыбнулся он. – Простите, что сразу не назвался. Измучились мы тут все, пока послали вам прошение и дожидались приезда. Понимаете, эта ведьма...

– Где вы ее держите? – оглядев почти нищенствующего вида домишки, ничего не выражающим тоном поинтересовался Вивьен.

– Так ведь, это... в колодки заковали. Там, возле церкви. Нам бы осудить ее уже, господа инквизиторы, и казнить, а то никакого спокойствия в деревне нет, пока она в колодках приговора дожидается.

Вивьен повернулся к нему, и пронизывающий взгляд заставил Гаспара умолкнуть.

– Где ваш местный священник? – спросил он, снова окидывая оценивающим взглядом деревню. На приехавших инквизиторов уже выходили посмотреть одетые в грубые поношенные вещи дети и женщины. – Я хочу поговорить с ним.

– Отец Бланшар? – переспросил Гаспар.

– Тебе виднее, любезный, – усмехнулся Вивьен.

Гаспар заметно ступсывался и, опустив голову, побрел по единственной глинистой дорожке, промокшей от ночного дождя, в сторону церкви, располагавшейся на небольшой площади – если, конечно, столь скудный участок земли, где трава казалась чуть более ухоженной, чем в остальной деревне, можно было именовать площадью. Рядом с церковью стоял большой колодец, а примерно в десяти шагах от него разместили закованную в колодки женщину. Ее волосы когда-то явно имели красивый светлый оттенок, однако сейчас слиплись от пота и грязи, а на лице проступали следы недавних побоев.

Вивьен замер напротив женщины и глубоко вздохнул, повернувшись к Ренару.

– Поговоришь со священником сам? – спросил он. По его голосу Ренар почувствовал, что в нем снова закипает злость, и предпочел не провоцировать его отказом.

– Поговорю.

Ренар удалился в церковь, а Вивьен устался на женщину. От нее сильно пахло грязью, потом и мочой, платье превратилось в лохмотья, а на ногах не было обуви. На икрах под чуть задравшейся юбкой виднелись следы плетей.

Вивьен поморщился.

– Гаспар! – подозвал он.

– Да, господин инквизитор! – тут же подоспел староста.

– Кто допрашивал эту женщину? – строго спросил Вивьен, ожигая грузного бородача взглядом. Тот едва не попятился в растерянности, однако удержал себя от этого действия.

– Мы с Полем и... допрашивали, – он повторил слово за инквизитором, заметно смешавшись. Следующую реплику он произносил с гораздо большим жаром: – Мы правды хотели от нее добиться, господин инквизитор!

Вивьен посмотрел на женщину. Она подняла на него глаза, полные муки и... словно бы скуки. Она была настолько измучена, что, казалось, ее даже не волновала собственная дальнейшая судьба, даже если судьба эта предполагала костер. Игнорируя страшную вонь, Вивьен присел на корточки так, чтобы закованной в колодки женщине не приходилось напрягать шею, глядя на него.

– Как тебя зовут, дитя? – спросил он удивительно спокойным голосом, лишенным всякой строгости и злобы.

Потрескавшиеся губы женщины зашевелились, но из горла не вырвалось ни звука. Вивьен перевел пылающий взгляд на Гаспара.

– Сколько вы ее здесь держите? – строго спросил он.

Гаспар перемялся с ноги на ногу и передернул плечами. И Вивьен нахмурился сильнее прежнего.

– Прошу тебя считать быстрее, мой друг. Я *очень* не люблю повторять вопросы.

– Сегодня третий день будет... господин инквизитор. – Голова бородатого старосты буквально вжалась в плечи, словно на миг он почувствовал себя на месте арестантки.

– Вы за это время ее хоть кормили?

– Они считали, что дьявол ее кормит! – выкрикнул Ренар, спустившись по ступеням церкви. – Ее не кормили и питья не давали. Благо, ночью шел дождь, и, похоже, ей удалось попить дождевой воды.

Вивьен сжал руки в кулаки.

– Принести ей воды! Сейчас же! – скомандовал он.

Кто-то из собравшихся вокруг колодок зевая подтолкнул девочку лет девяти сбегать за водой, и та послушно засемила прочь.

Вивьен пристально посмотрел на Гаспара.

– Как ее зовут?

– Эвет, – смущенно ответил он. – Она вдова нашего кузнеца. Сейчас кузнецом сын ее стал. А она с дьяволом спуталась.

Вивьен глядел на Гаспара испытующе.

– И с чего вы сделали такой вывод? – подключился к разговору Ренар, став рядом с Вивьеном и сложив руки на груди.

В это время вернулась девочка, неся в руках чашку с водой. Вивьен принял чашку из ее рук и жестом велел ей отойти в сторону, затем осторожно убрал грязные светлые волосы с лица когда-то привлекательной женщины и заговорил с нею вкрадчиво и спокойно:

– Пей осторожно, дитя мое. Медленными глотками. Вот так.

Эвет попыталась жадно наброситься на воду, и ее тело начала бить мелкая дрожь, когда Вивьен не позволил ей этого сделать, а продолжал давать ей пить небольшими глотками. Из горла ее вырвались лихорадочные вдохи, как будто ей пришлось пробежать через всю деревню несколько раз.

Тем временем Гаспар продолжал говорить:

– Так ведь... околдовала она нашего Клода, он к ней полез, как оголтелый, она огрела его чаркой для воды, а когда он свалился, выволокла из своего дома, а на следующий день начала скотина дохнуть.

Вивьен, нахмурившись, взглянул на Эвет. Женщина посмотрела на него жалобно, с мольбой о... *о чем?* Вивьен отчего-то думал, что о *здоровыслии*.

– Какая скотина? – уточнил он.

Гаспар поджал губы.

– У Клода конь сдох. Вот прямо на следующий день после того, как...

– Я хотел бы его увидеть, – внезапно выпалил Вивьен, в ответ на что по группе селян пробежала волна непонимающего рокота.

– Так ведь... сдох же, господин инквизитор, – пожал плечами Гаспар. – Ну... не хранить же нам тушу его, чтоб гнила тут... мы от него уже избавились, как подобает. Сожгли, как водится. Проклятый же ведьмой конь был, понимаете? И в доме ведьмы все вверх дном перевернули, чтобы найти, как она порчу на коня наслала...

– И как? – ухмыльнулся Ренар. – Нашли?

– Она, видать, спрятала все хорошенько! Вот мы ее в колодки и заковали, чтоб созналась, где ведьмовские снадобья держала. – Гаспар сделал шаг, словно собирался плюнуть в лицо Эвет, однако пристальный, не на шутку угрожающий взгляд Вивьена остановил его.

– Она созналась в содеянном? – упорствовал Ренар.

– Она осыпала нас всех проклятиями на второй день в колодках! Говорила, что дьявол пожрет наши души.

Вивьен усмехнулся.

– Что ж, и я бы проклял тебя лично, Гаспар, через два голодных дня после плетей при условии, что нужду мне пришлось бы сперавлять под себя. – Он качнул головой и оглядел собравшихся зевак. Один из них стыдливо прятал глаза и держал голову опущенной, пока длился весь этот разговор. Вивьен прищурился, распрямился и сделал шаг вперед, указав на этого человека. – Ты Клод, верно? Тот самый, который *пострадал* от ведьмы? – Он сделал особенно едкий акцент на слове «пострадал».

Долговязый мужчина с копной светло-каштановых волос сделал шаг вперед, боязливо покосившись на двух инквизиторов.

– Да, это я, – тихим, необычайно высоким голосом отозвался он, утерев рукавом грубой матерчатой рубахи длинный, чуть искривленный – явно давно переломанный – нос.

– Эти люди говорят, ведьма околдовала тебя, – нахмурился Вивьен. – Каким образом ей это удалось? Ты что-то пил в ее доме? Она что-то подложила тебе? У тебя есть доказательства тому, что она тебя околдовала?

– Д-доказательства?..

Вивьен усмехнулся.

– Да, Клод. Что-то, что может подтвердить твои слова. Сейчас у тебя есть лишь они, а они не внушают мне доверия.

Мужчина побледнел и попятился.

– Я добрый христианин... а она – ведьма, – пролепетал он.

Вивьен покачал головой.

– А еще ты мужчина, падкий на красивых женщин, вроде нее. – Он кивнул на Эвет. – А она – вдова, которую некому защитить от твоих притязаний. Так что? Есть у тебя *доказательства* ее колдовства?

Клод заметно задрожал, но не ответил.

– Хорошо, я спрошу иначе, – закатил глаза Вивьен. – Что именно побудило тебя пойти и попытаться взять ее силой?

Этот вопрос оказался еще более страшным для Клода, и тот побледнел, как известка.

– Я не хотел... брать ее силой, я... меня бесы попутали! Да она же ведьма! У меня скотина после этого дохнуть начала!

– Один конь, – кивнул Вивьен. – И сколько ему было лет?

– Двадцать четыре, – деловито кивнул Клод, – но он был здоров!

– Важно то, – нахмурился Вивьен, – что он был *стар*. Лошадь в среднем живет 25-30 лет. А в таких условиях, как ваши, и того меньше. Двадцать четыре года для коня – солидный возраст. Другая скотина у тебя померла с того момента, как Эвет заковали в колодки?

Клод сделал шаг назад, и Вивьен усмехнулся.

– Это *простой вопрос*, – с нажимом сказал он.

– Больше скотина не дохла...

Вивьен задумчиво пожевал губу и отвел взгляд от толпы, затем переглянулся с Ренаром, и тот понимающе кивнул. Этой деревне вовсе не требовалось успокоение с помощью показательной казни ведьмы – Эвет обвинили в колдовстве, потому что она с позором вышвырнула неудавшегося любовника из своего дома, а чуть позже у него подох старый конь, и он нашел способ спасти остатки своей чести.

Обстоятельства, при которых женщина оказалась в столь плачевном положении, Вивьен продекламировал быстро и четко, и пока он говорил, Клод бледнел и менялся в лице, понимая, что еще немного, и он займет место Эвет, только не в колодках, а на допросе у инквизиции.

– Именем Святой Церкви и папы Иннокентия VI приказываю освободить эту женщину и обеспечить ей должный уход. Тот, кто ослушается меня сейчас, ослушается самой Церкви, а значит, выступит против Господа! – Последние его слова, казалось, со звоном пронеслись мимо селян, заставив каждого из них поежиться от опасения.

Ренар и Вивьен вернулись в Руан уже затемно. Утром предстояло отчитаться перед судьей Лораном и рассказать о том, что селяне вздумали вершить самосуд. Таких случаев следовало избегать, иначе костры с неугодными жителями деревень и городов, которые перешли дорогу слишком завистливому соседу, вспыхнут по всей Франции.

По дороге Вивьен держался молчаливо.

Несколько раз Ренар хотел задать ему вопрос, отчего он так ревностно принялся защищать ту женщину – не оттого ли, что она своими светлыми волосами и ладной фигуркой напоминала ему Элизу? Однако от этого вопроса он удержался, прекрасно видя, что друг не в настроении это обсуждать.

Вивьен всю дорогу не переставал думать. Его занимали мысли о том, что эта женщина – Эвет – поплатилась тремя изнурительными днями голодовки и наказанием плетью за то же, за что арестовали Элизу: за привлекательность. Он и прежде задумывался об этом, но пока не спас беззащитную Элизу от тюремных стражников, не придавал этим случаям такого большого значения.

Этой ночью он проспал не больше трех часов, а после сон отступил под грузом мыслей. Ему отчаянно захотелось посетить Элизу с новой проверкой, а из головы при этом не шли слова Ренара: «ты влюблен?»

В конце концов, наткнувшись на лист бумаги, на котором написал ее имя, Вивьен твердо вознамерился снова посетить отшельницу завтра вечером. Теперь его сомнения были развеяны: еретичка или нет, колдунья или нет – Вивьен знал, что ни в коем случае не желает, чтобы она пострадала. А значит, он будет ее защищать, чего бы это ни стоило.

‡ 5 ‡

Ночь казалась невообразимо долгой. Минуты слагались в часы, однако рассвет все не думал раскинуться над Руаном.

Вивьен Колер беспокойно шагал по комнате, не находя себе места и не имея возможности забыться сном. Здесь, в небольшом помещении на втором этаже постоялого двора, где он жил, он чувствовал себя едва ли более уютно, чем в монастырской келье. Однако здесь у него не было чувства, что за ним ведется постоянный надзор: в этом скромном жилище не было больше никого, посему ни у кого не вызывала беспокойства его частая бессонница и никто не слышал, как периодически он просыпается от собственных тихих стонов после посетивших его кошмарных сновидений.

Но сегодня ему вновь показалось, что за ним пристально следят. Будто сами стены осуждающе наблюдали за ним и перешептывались, обсуждая решение, которое он принял этим вечером: защитить колдунью и еретичку от любых напастей, которые ему будет под силу предотвратить. Его вера учила, что еретики отринули Господа и сражаются за войско дьявола, но, как ни старался, он не мог отыскать в Элизе сатанинской силы и злых намерений.

«Испытание веры? Искушение демонов? Что для меня встреча с Элизой? Почему я не могу перестать думать, что она очень важна?» – не переставал спрашивать себя Вивьен, меряя шагами небольшую комнату с пустыми стенами, небольшим шкафом и заваленным бумагами столом с канделябром на одну свечу, перьями и чернильницей.

Пройдя мимо стола, он вновь натолкнулся на лист бумаги, на котором написал имя лесной отшельницы. Одно лишь это имя заставило его вспомнить каждый миг их встреч, а также вспомнить женщину по имени Эвет, обвиненную в колдовстве, которую он спас. И едва ли ее внешнее сходство с Элизой не было одной из причин его трепетного отношения к ней.

«То, что я сделал сегодня в деревне, было актом милосердия, но с другой стороны было это и проявлением слабости духа! Ведь даже будь Эвет виновна в колдовстве, я мог бы попытаться найти тысячи причин уверить деревенских жителей в обратном», – думал Вивьен. – «Или не мог? В коротком следствии я был справедлив, но объективным ли было мое отношение?»

Его вдруг захлестнула злость, которую он не смог обуздать. Чернильно-черной пеленой она взметнулась в его душе, не позволив удержать порыв разорвать лист бумаги на несколько частей и швырнуть их прочь.

Мысленно в этот момент он успел обвинить Элизу в том, что она сумела каким-то образом затуманить его разум, заставить его проявить слабость ко всему ведьмовскому племени. Однако мысль эта почти тут же показалась ему сущим бредом: сегодняшнее дело требовало лишь более вдумчивого взгляда, коим Вивьен Колер обладал едва ли не отродясь, и его отношение к Элизе несколько не повлияло на то, насколько тщательно он подошел к анализу ситуации Эвет. Он понял, что в любом случае не смог бы бездумно пойти на поводу у деревенских жителей, не разобравшись в том, заслуживает ли эта женщина более страшной кары, чем они уже устроили ей.

Пока части разорванного листа с плавностью опадающей осенней листвы приземлялись на пол комнаты, Вивьен, судорожно вздыхая и пытаясь усмирить в себе смертный грех гнева, коему он был подвержен с раннего детства, заметил, что на одном из клочков бумаги целым и невредимым осталось имя Элизы.

Вивьен сжал руки в кулаки и поднял глаза к потолку.

«Это знак, Господи? Знак, что я поступаю правильно?» – спросил он мысленно, но ответа не услышал. Впрочем, он тут же отругал себя за ненасытность: разве удостоил бы Господь его

– простого земного грешника – еще одним знаком помимо того, что *уже* даровал ему? Теперь лишь от чистоты душевных порывов и крепости веры Вивьена Колера зависело то, насколько правильно он сумеет трактовать этот знак.

Несколько тягостных минут прошло в ожидании чего-то, чего инквизитор не мог обрисовать даже в своем разуме. Он тоскливо бросил взгляд на койку, лишний раз пожалев, что не может попросту забыться сном вместо этих раздумий. Но не для того ли каждый раз будят его кошмары, что сон для него – непозволительная роскошь? Возможно, это – еще один знак, который нужно сложить с предыдущим?

*Итак, бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру, чтобы, придя внезапно, не нашел вас спящими*³, – вспомнил Вивьен, прерывисто вздохнув.

Теперь у него не было сомнений в том, как трактовать дарованный ему знак. Он был уверен, что Господь направит его и не позволит споткнуться во тьме, если он верно истолковал Его послание.

Быстро одевшись, Вивьен на минуту замер у шкафа, у стенки которого покоился полуторачный меч. Не все инквизиторы носили с собой оружие, однако Вивьен, как и Ренар, привык ходить вооруженным после заданий по проверке чумных монастырей в годы, когда мор смилостивился над Францией.

Подумав, что в темноте Руана, а после на лесной тропе, будет много безопаснее идти вооруженным, Вивьен убрал меч за пояс инквизиторского черного одеяния и как можно тише выскользнул из своей комнаты, а затем и с территории постоянного двора, сумев не попасться никому на глаза.

Ночь стояла светлая, на небе ровным кругом сияла полная луна, и Вивьен решил, что его движение не будет так заботливо прикрыто темнотой, как ему бы того желалось, однако путь по лесной тропе эта ночь обещала упростить.

Быстрым шагом, с трудом удерживая себя от того, чтобы перейти на бег, Вивьен добрался до леса и на секунду замер, вдруг почувствовав, что природа, о силе которой так вдохновенно говорила Элиза, наступает на город, позволяя своим травинкам шевелиться у самой границы с каменными плитами городских дорог.

Холодный ветер обдал Вивьена резким порывом, и он невольно поежился, сдержав желание потянуться к эфесу меча. Что-то словно заставило его ощутить на себе *силу* этого леса, его мощь и его... *магию*? Он почувствовал ничем не подкрепленную, необъяснимую опасность, и это заставило холодок пробежать по его спине. Однако в следующий миг, отругав себя за трусость, Вивьен двинулся во тьму лесной тропы напрямик к домику Элизы.

Вскоре его охватило невиданное доселе чувство погружения: ночной лесной мир напугал его и одновременно заморозил своей таинственностью. Стрекот насекомых, переклички птиц, шелест травы, силуэты искривленных стволов деревьев, напоминающие демонов Преисподней.... Вивьен подивился тому, что столь хрупкая на вид Элиза умудряется, не боясь, жить среди этой таинственности и чувствовать себя здесь, как дома. Впрочем, почему же «как дома»? Лес и *был* ее домом. Вивьен же чувствовал себя здесь чужаком, непрошеным гостем – особенно ночью. Отчего-то ему казалось, что ночь – не то время, когда ему могли бы обрадоваться здесь.

Освещенная луной тропа вскоре вывела его на знакомый участок, и Вивьен заметил блики огня, скрытые кустами подлеска.

«Это еще что?» – нахмурился он, невольно ухватившись за рукоять меча и двинувшись вперед. Он старался пробираться неслышно, насколько мог. Вскоре он оказался за ближай-

³ МР. 13: 35-36.

шими к поляне, на которой располагался домик Элизы, кустами и притаился в них. Впереди и впрямь горел костер. Языки пламени рвались к небу, а рядом с ним...

...рядом с ним Вивьен разглядел двух девушек. Одну из них он узнал безошибочно – ею была Элиза. Блики костра танцевали на ее светлом платье, переливались в медовых волосах со вплетенными в них перьями на кожаных ремешках, играли на поцелованном солнцем нормандском лице. Вивьен застыл, глядя на нее, и почти забыл об осторожности. Сердце его забилося чаще, и он едва ли сосредотачивал внимание на второй девушке, которая танцевала возле костра напротив Элизы. То была незнакомая ему особа с пышными рыжими волосами, спускающимися небрежными локонами ниже лопаток. В бликах огня Вивьен разглядел полные губы и большие выразительные глаза, светлую кожу и тускло-коричневое платье из грубой ткани, чем-то напоминавшее одежды Элизы. Ему показалось, что девушки очень отдаленно похожи, хотя он толком не мог объяснить, чем именно. Быть может, тем, с каким упоением обе они – расплываясь в улыбках и запрокидывая головы – двигались вокруг костра?

Несмотря на то, что его должность требовала от него немедленно прекратить это святотатство и арестовать обеих девушек, после чего отвести их на допрос, предъявив им обвинение в исполнении колдовских ритуалов, Вивьен был заворочен. Он не мог оторвать глаз от странного танца. Признаться, раньше он думал, что ведьмы пляшут вокруг костра исключительно нагими, но Элиза и ее странная... – кто она? Подруга? Сестра по шабашу? Или как еще ведьмы называют своих единомышленниц? – были одеты в повседневную одежду, что словно бы придало этому ритуальному танцу... обыденности?

И все же в их движениях было нечто поистине завораживающее, если не сказать *магическое*. Казалось, они с помощью танца разговаривали с пламенем, и оно отвечало им своими переливами и мистическим стремлением к небу. Костер был небольшим, однако рвался ввысь так, словно желал сжечь небосвод.

С трудом придя в себя от оцепенения, Вивьен потянулся к мечу и на этот раз извлек его из-за пояса инквизиторской сутаны. Он обещал самому себе защитить Элизу – даже если ей потребуется защита от нее же самой. Во время их первой встречи Элиза прошла проверку, и кара Господня не настигла ее: стало быть, в сатанинском колдовстве она не повинна. Однако эта рыжая девушка, кем бы она ни была, слишком походила на колдунью. И не исключено, что именно ее пагубное влияние однажды уже дало повод привести Элизу в тюрьму.

«Значит, меня не просто так привели сюда. Я должен был это увидеть. И, возможно, спасти Элизу от этой ведьмы – не даром же ее имя на листе осталось целым», – успел подумать Вивьен, выходя из тени, обнажая меч.

– Святая инквизиция! – воскликнул он, и в голос его вернулись строгие, лишённые какого-либо сочувствия нотки. Он заговорил так, как обычно говорил с арестантами на допросах. – Стоять!

Обе девушки вздрогнули, рыжая даже вскрикнула и попятилась.

Элиза замерла, и ее пронзительный взгляд, в котором заиграли отблески пламени, строго замер на незваном госте. Лицо ее сделалось жестким, она выставила руку в сторону, и рыжая девушка испуганно зашла за спину Элизы, боязливо косясь на Вивьена.

Инквизитор неумолимо приближался, меч угрожающе поблескивал в свете костра.

– Назови себя. – Взгляд его был устремлен к рыжеволосой бестии, которая посмела склонить Элизу к ведьмовскому искусству.

– Вивьен! – окликнула Элиза, подавшись вперед, но он резко качнул головой и оборвал ее.

– Не лезь! С тобой разберусь позже, – строго приказал он, и взгляд его преисполнился той неконтролируемой злости, которая частенько пугала людей на допросах. Увидев это в его глазах, Элиза невольно вздрогнула и на миг оторопела.

Вивьен приблизился к рыжей девушке, которая продолжала испуганно жаться к Элизе, и дернул ее за руку. Она, распахнув огромные глаза, умоляюще посмотрела на него, но ничего не сказала. Полные губы разомкнулись в невысказанной мольбе и сомкнулись снова. Вивьен смотрел на нее без тени сочувствия, приготовившись в любую минуту пронзить ее мечом за сопротивление аресту.

– Ты арестована. Назови себя, – повторил он, – именем Святой инквизиции.

В следующий момент Элиза дернула рыжеволосую девушку на себя и сделала два шага вперед, став так, что острие меча уткнулось прямо ей в грудь. Она бесстрашно завела сообщницу себе за спину и пронзительным взглядом заглянула в глаза Вивьена. Он замер, понимая, что только что неосторожным движением мог навредить ей.

– Рени, – твердо произнесла Элиза, продолжая смотреть в глаза инквизитору. Девушка за ее спиной испуганно съежилась. – Ее зовут Рени. Она моя сестра, Вивьен. Кузина. Мы уже давно заботимся друг о друге. Она живет в лесу, чуть глубже в чаще. В чем она повинна?

Вивьен бесстрастно выслушал ее. Последний вопрос, однако, заставил его приподнять брови.

– Ты спрашиваешь, в чем она повинна? Я выношу ей обвинение в исполнении колдовского ритуала.

Элиза нахмурилась.

– В чем же состоял этот ритуал?

– Не пытайся выставить меня глупцом, Элиза, – строго проговорил он. – Она явилась к тебе и устроила ритуальные пляски у костра. Это ли не одно из известных проявлений колдовства?

– Хорошо! – с вызовом крикнула она. – И в чем же здесь *магия*? В чем колдовское воздействие на кого-либо? В чем пагубность и вред? Расскажи мне, Вивьен, и, если докажешь мне, что мы этим танцем творили зло, можешь сжечь нас обеих – да хоть бы и на этом самом костре!

Она перешла почти на крик, мгновенно забыв о том, что все время до этого обращалась к нему на «вы».

Ему удалось сохранить лицо непроницаемым, хотя и не без труда. Помогла вновь взметнувшаяся в душе чернильно-черная злость, затопившая его сознание так сильно, что он едва подавил в себе желание оттолкнуть Элизу прочь и убить рыжеволосую колдунью Рени прямо на месте, чтобы рассеять ее чары. В следующий миг он испугался собственного порыва и отступил на шаг, продолжая обжигающе глядеть на двух ведьм.

Он задумался над словами Элизы. В чем состояло зло этого танца? Объективных причин считать его злом Вивьен не находил. Этот танец был частью непонятного ему мировоззрения, о котором частично рассказывала ему Элиза, но... на этом все. Он не заметил никаких признаков того, чтобы из пламени выскочили демоны Преисподней и принялись потворствовать греховным желаниям ведьм. Не было и каких-либо других внешних проявлений зла, за которые можно было бы вынести обвинения этим двум девушкам. По сути, арест Рени сейчас основывался бы только на одном – на страхе Вивьена Колера перед танцем у костра. Не более ли глупая это причина для обвинения в колдовстве, чем вовремя умерший двадцатичетырехлетний конь горе-любownika Эвет?

«Я испугался», – нехотя признался себе Вивьен. – «Испугался того, что был заморожен этим танцем. Похоже, красота – есть оружие еще более страшное, чем я мог предположить. Люди тянутся к красоте, но боятся ее, потому что посредством нее могут терять контроль над собой».

– Мы не творили зла, – тихо проговорила Рени, вырывая Вивьена из раздумий. Голос у нее оказался тихим и мелодичным, он напоминал высокую трель колокольчиков или журчание ручейка. Непослушные рыжие волосы падали на лицо, а большие выразительные глаза пронзительным взглядом смотрели на инквизитора, стараясь отыскать в нем понимание и снисхож-

дение. – Мы просто отдавали дань уважения лесу, луне и звездам. Сегодня луна открыта, а звезды светят ярко. Ночь безоблачная. В такую ночь в свете и тепле огня можно почувствовать лес и родство с ним.

Элиза напряженно обернулась к Рени, но ни прерывать, ни бранить ее не стала. Вместо этого она вновь внушительно взглянула в глаза Вивьена и не нашла в них прежнего осуждения.

– Ты ведь не арестовываешь солдат, которые поют песни, собравшись у костра на привале, – мягко проговорила Элиза. – Отчего же наши танцы у костра заставляют тебя выдвинуть обвинения?

Вивьен поморщился. Он ненавидел оказываться неправым, и часть его сознания заставляла отыскать любые аргументы, лишь бы не признавать ошибочность своего суждения, однако он тут же осознал, что внутри него говорит гордыня, и нельзя позволять ей взять верх над собой.

Тяжело вздохнув, он, наконец, убрал меч за пояс.

– Ваш танец, – нехотя начал он, – заворочил меня. В нем словно чувствовалась какая-то сила, которую я посчитал колдовством. – Упрямство все же взяло верх, и он добавил: – Не могу сказать, что до сих пор не считаю. Но... фактического зла я в нем не увидел. *Твой* арест может быть основан лишь на моих догадках. Но в этом случае я усомнюсь в истинности проверки, которую уже провел тебе в храме, а это значит усомниться в самом Боге. Ты прошла эту проверку, а сестра твоя – нет.

Элиза молча сняла со своего запястья намотанные на него четки, которые Вивьен заметил лишь только что, и повернулась к сестре.

– Сожми в руке, – скомандовала она. – А теперь повтори за мной!

К величайшему удивлению Вивьена Элиза осенила себя крестным знаменем, произнеся:

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Рени медленно повторила за сестрой, после чего внимательно уставилась на четки в своих руках и начала разглядывать их, как будто те были невиданной реликвией из какого-то иного мира.

«Дикарка», – качнув головой, подумал Вивьен. Рядом с Рени Элиза казалась такой понятной и близкой. Она словно бы говорила с ним на одном языке. Рени же, несмотря на то, что с ее губ срывались знакомые слова, словно общалась на каком-то другом диалекте.

Тем временем Элиза забрала у сестры четки, намотала их обратно на свое запястье и требовательно посмотрела на инквизитора.

– Теперь и она прошла проверку, разве нет?

На это Вивьену было нечего возразить. Он мог лишь заметить, что ему было до невозможности лестно, что Элиза запомнила, как осенять себя крестным знаменем и какие слова при этом нужно говорить, хотя он демонстрировал ей это лишь единожды.

– Я снимаю с нее обвинение в колдовстве, – пробормотал Колер. – Ареста не будет.

Рени широко распахнула глаза и невинно улыбнулась.

Элиза тяжело вздохнула и кивнула в сторону леса, тут же обратившись к сестре:

– Иди домой, Рени, – строго сказала она. – Так будет лучше. Иди.

Спорить рыжеволосая девушка не стала. Она почтительно кивнула инквизитору и вскоре скрылась в подлеске. Еще через мгновение даже шелест ее шагов утонул в ночной темноте.

Элиза вновь обратилась взглядом к Вивьену.

– Спасибо, – пробормотала она, немного смущенно улыбнувшись.

– За то, что отпустил ее? – вопрошающе кивнул Колер.

– За это и за... понимание. Не каждый инквизитор бы стал даже задумываться о том, много ли зла в этом танце. И уж точно не каждый сдержал бы в руке меч, наперерез которому бросается ведьма.

Она замолчала, и Вивьен осознал, что теперь она стремится избегать предложений, в которых нужно обращаться к нему напрямую. Видимо теперь, когда запал ссоры чуть утих, она не могла понять, как стоит обращаться к нему – «ты» или «вы».

Качнув головой, Вивьен сделал шаг к Элизе.

– Ваш танец был очень красив, он притягивал взгляд и лишал дыхания. Это и могло показаться магией, потому что от этого завораживающего зрелища любой инквизитор потерял бы контроль над собой.

– Но не... – она помедлила, а затем все же обратилась к нему, – ты?

Он не сдержал легкую улыбку и качнул головой.

– Увы, я подвержен тем же слабостям, что и большинство людей, поэтому не могу исключить себя из этого утверждения. Я тоже потерял над собой контроль, поэтому и выдвинул обвинение в колдовстве. Повторюсь: я до сих пор не могу быть до конца уверен, что в этом танце не было магии, – хмыкнул он. – Но если она там и была, то исходила она явно не от дьявола, ведь ты танцевала с моими четками на руках. И сестру твою не настигла Божья кара, когда она примерила их и осенила себя крестным знаменем.

Элиза благодарно улыбнулась. Ей захотелось потянуться и обнять Вивьена после этих слов, однако она сдержала свой порыв, решив, что и без того уже вела себя с ним слишком смело. Вместо этого она внимательно взгляделась ему в лицо и заметила в свете огня, что под глазами его наметились темные круги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.